

Фантомная боль

Автор:

Олег Рой

Фантомная боль

Олег Юрьевич Рой

Представьте: после смерти, на пути в небытие вам предоставляют шанс вернуться в жизнь и прожить еще тридцать лет и три года. Но есть одно условие – нужно исправить фатальную ошибку. Какую – не говорят. Предлагают вспомнить самому. Отличная возможность, не правда ли? Соглашается на нее и Алексей. Да только, чтобы вспомнить свою ошибку, ему приходится примерить на себя судьбы троих человек, погибших одновременно, узнать в одной из них свою и переиграть прошлое. Задача каверзная, полная искушений, и ответственность колоссальная. Вдруг возьмешь на себя крест больший, чем был у тебя до этого?

Олег Рой

Фантомная боль

© Резепкин О., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Памяти моего сына Женечки посвящается

Если видишь того, кто не знает и не знает, что он не знает, – это глупец. Беги от него.

Если видишь того, кто не знает и знает, что он не знает – это путник. Научи его.

Если видишь того, кто знает и не знает, что он знает, – это спящий. Разбуди его.

Если видишь того, кто знает и знает, что он знает, – это мудрец. Учись у него.

Пролог

Реку, пока еще спокойно несущую свои воды к океану, уже сжимали в стальных объятиях сизые грозовые тучи. Набережная постепенно пустела, но люди еще сновали туда-сюда, пропадали в темных лабиринтах городского муравейника, оставляя за собой едва различимые следы. Не столько отпечатки ступней, сколько отголоски душевных движений: темные мысли, раздражение, недовольство – следы собственной тьмы, отравляющей тот самый мир, который питает каждого и дает силы.

Человек наделен разумом и душой, где плещут хрустальные родники, распускаются сказочные цветы и поют волшебные птицы. То есть могли бы плескаться, цвести и петь. Но нет. Человек забивает этот чистый источник тоннами мусора: пустыми обидами, гневом, бессмысленным страхом... даже перечислять отвратительно, словно само перечисление добавляет в поток жизни еще один ручеек яда.

Ведь и для Вселенной важен каждый человек. Потеря любого отдается болью. Как болит у человека ампутированная нога. Ноги нет, а боль, хоть и называют ее фантомной, абсолютно реальна. И столь же реально болит у Вселенной каждая мертвая душа. Мертвая? Или только впавшая в летаргию?

Часть 1

Глава 1

Выстрел.

Выстрел? Звук странный: резкий, но глухой и мягкий, как будто тяжелый камень плюхнулся в грязь. Почему я думаю, что это выстрел?

Ничего не вижу. Перед глазами тьма. Точно застилающий все полог. Этот полог словно колеблется, мне кажется, что я вижу проступающие из тьмы смутные фигуры. Неясные серые тени. Люди? Пытаюсь напрячься, чтобы рассмотреть их, но силуэты все так же туманны.

Гул. В ушах (есть ли у меня уши? Впрочем, чем-то же я слышу) стоит непрерывный грохочущий гул.

Это от выстрела? Кто-то стрелял рядом со мной? Или – в меня?

Происходит что-то непонятное. Я слышу звук выстрела (если это был выстрел) снова и снова. И в то же время точно знаю: стреляли только один раз.

Продолжаю говорить «я», но кто я? Где нахожусь? Что вокруг?

Я – человек. Это я чувствую, знаю, понимаю. И ничего больше.

Кажется, еще мгновение назад мое сознание было ясным, я знал, кто я, осознавал себя и окружающее. Это было на самом деле или это кажется? Сейчас вокруг меня туманная мглистая тьма, наполненная грохочущим гулом.

Нет, не вокруг. Все это только в моей голове, это не реальность, это воображение.

Мне страшно.

Я потерял чувство времени. Время застыло. Мне кажется, что я нахожусь в бесконечно длящемся мгновении выстрела. Пуля еще не достигла цели. Хотя я не вижу ни пули, ни цели. Вообще ничего, кроме звенящей темноты.

Пытаюсь понять, где я, напрягаю слух. Ничего. Звенящая тишина, как будто весь мир умер. Только в моей голове стоит все тот же гул. Разве так может быть? Я схожу с ума. Разве можно одновременно слышать тишину вокруг и грохот внутри своей головы? Нельзя. Но я – слышу.

Гул нарастает, делается громче, громче, еще громче. Грохочущим гулом наполнена уже вся голова, кажется, она сейчас взорвется. Громко! Слишком громко! Помогите!

Мгновенная, огненная, разрывающая грудь боль – и тишина. Тягучая, мягкая, абсолютная. Блаженная сладостная нега. А-а-а!

Удар! Или вспышка? Не вижу. Не слышу. Чувствую огненное острие, пробившее меня (сердце? живот? солнечное сплетение?) насквозь. Рассыпаюсь на куски. Тело скручивает судорогой, словно от сильнейшего электрического разряда. Судорога повторяет биение пульса, пульсирует каждый миллиметр, каждая клеточка тела.

Передо мной вдруг появляется человеческая фигура. Лица не видно, но откуда-то я точно знаю: это – я сам. Стою и смотрю на себя. Боль по-прежнему заполняет тело – мое или то, на которое я смотрю? Она не усиливается, не нарастает, но и не прекращается, даже не ослабевает. Я слился с этой болью, мы с ней – одно целое, мы пульсируем вместе, в такт бешеному ритму сердца, которое, кажется, сейчас выпрыгнет из заполненной болью груди. Мысленно пытаюсь сосчитать пульс, но сбиваюсь – слишком быстро, слишком часто. Еще сильнее. Еще быстрее...

Вспышка!

Я ее не вижу: этот огонь вспыхивает внутри меня. Вспыхивает лишь на миг и тут же гаснет. И с ним гаснет вся боль, резко, мгновенно, точно повинувшись щелчку неведомого выключателя. И сразу кажется, что никакой боли никогда и не было.

Внутри – пустота, словно из тела вынули все, кроме сердца. Я – призрак. Призрак с бьющимся сердцем. Биение все медленнее: тук-тук-тук, тук-тук, тук...

...открываю глаза. Да, у меня вновь есть глаза, их можно открыть, они видят. Вокруг небо. Ничего, кроме неба. Нежная голубизна, оживляемая еще более нежным пухом облаков – совсем рядом, на расстоянии выдоха. Дальше – другие облака, и еще дальше. Они непрерывно меняются, их движения неуловимы, но явственны. Их бесконечно много в столь же бесконечной лазури. Она везде, земля осталась где-то внизу, в тысячах километров. Мое тело легче воздушного шара, легче облаков, я стремлюсь выше, выше, выше. Куда? Когда это закончится? И существует ли это «куда» и «когда»?

Кажется, ко мне начинает возвращаться сознание. Я чувствую себя летящим в этом бесконечном небе, но я не сливаюсь с ним, я не облако. У облаков нет сердца, а у меня есть – я опять чувствую его торопливое неровное биение. Возвращается страх. Значит, я – человек? Только человек может бояться беспричинно, не видя угрозы. Человек. Мужчина? Женщина? Старик? Ребенок? Кто я? Где моя жизнь? Ничего не помню – только звук выстрела. И вокруг – белые... уже не облака – стены. Коридор. Не понимаю: был ли полет, было ли небо, облака, легкость, стремление ввысь – или все лишь пригрезилось?

Что со мной? Сон? Сеанс у гипнотизера?

Существую ли я вообще? Существует ли реальность?

Если зажмуриться и резко открыть глаза... Зажмуриваюсь. Сердце выстукивает: спа-си, спа-си, спа-си... Спаси меня!

Внезапно все резко меняется. Это уже не сон, не греза, определенно нет. Я стою перед входом в длинный тоннель. Стою на собственных ногах. У меня снова есть тело, ко мне вернулись обычные человеческие чувства: я вижу, слышу, обоняю, осязаю. Существую. Как будто проснулся. Вернулся из грез в реальность. Реальность незнакомая, я никогда в жизни такого не видел, но, кажется, понимаю, где я. Пока только чувствами, не словами.

Белостенный коридор уходит вдаль, он кажется бесконечным, но мне нужно идти именно туда, в глубину бесконечного белого тоннеля, это единственный путь. Я точно это знаю, это аксиома, абсолют, в котором невозможно

сомневаться.

Шаг. Еще шаг. Еще десять. Или сто? Или тысяча? Сбиваюсь со счета. Пытаюсь превратить чувства в слова. Ведь я знаю, знаю, где нахожусь. Я должен вспомнить! Бесконечный коридор ведет... на Страшный суд? В ад? Я шагаю все быстрее и быстрее, почти бегу. Это страшно, что-то внутри меня не хочет идти вперед, не пускает, но тело двигается как будто само, как будто подчиненное какому-то высшему порядку.

Темно. Темно вокруг, или это потемнело в глазах? Ноздри заполняет резкий запах сырости, затхлости, гнили, точно в заброшенном подвале. Или это все тот же тоннель? В голове бьется та же мысль: спаси меня, спаси меня, спаси меня. К кому я обращаюсь? К самому себе? Или?

Впереди – какие-то ритмичные светлые отблески. Еще несколько мгновений, несколько шагов – и отблески превращаются в фотографии, бесконечные ряды человеческих лиц. Кажется, именно они заполняют это затхлое сырое подземелье слабым призрачным светом, других источников здесь нет. Светятся – или кажется, что светятся, – лица на фотографиях. Я шагаю и шагаю, стараюсь не глядеть на эти бледные пятна с пустыми, как у призраков, глазами. Быть может, я боюсь кого-то узнать в этой бесконечной череде? Увидеть тень прошлого? Или боюсь увидеть, что я сам – такая же тень, такое же бледное пятно? Или боюсь, что вся бесконечная череда состоит из моих собственных лиц? Нет! Не хочу!

Меня – то, что я считаю своим телом, – подхватывает нежный, невыразимо приятный ветер. Подчиняясь взмахам его крыльев, исчезает бесконечная череда фотографий, пропадает запах сырости и гнили. Дальше, дальше, дальше от затхлого подземелья! Это необыкновенный ветер! Несущий меня вихрь состоит не из воздуха – из множества звуков. Обрывки сказочно прекрасных мелодий, крики ужаса, стоны любви... Я должен связать эти обрывки воедино – это единственное, что действительно необходимо сделать, я обязан с этим справиться... Но как? Я не могу шевельнуться, я не чувствую ни рук, ни ног, ни даже биения сердца! Но я должен, должен собрать разрозненное и соединить расколотое!

* * *

– Хм. Сегодня вообще-то суббота. Выходной день, знаешь ли. А тут ты. – Голос звучал одновременно и весело, и слегка укоризненно.

– Если вы по выходным не работаете, – огрызнулся я, – могли бы оставить меня там еще дня на два.

Ответил я так, наверное, от растерянности. Вряд ли стоило разговаривать так с... с кем, кстати? С некоей Высшей Силой, да? Никаких других вариантов в голову не приходило. Нас всех готовят именно к этому. Ты умираешь, и там (где, кстати, «там»?) тебя ждет некий Он. Пастырь, для которого важна каждая овечка, даже заблудшая. Всезнающий и всемогущий. Как же! Ждут! Выходной у них, видите ли! Так попросту, спасибо хоть не обеденный перерыв. Вот и я попростецки огрызнулся. Принял предложенный тон. Всегда легче следовать предложенному сценарию, чем заводить собственную мелодию.

Голос, однако, вопреки ожиданиям на мою явную грубость не отреагировал:

– И что бы тебе дали еще два дня? – В реплике не слышалось ни малейшего намека на досаду, гнев или хотя бы раздражение. Даже особого интереса – и то не было. Так безразлично спрашивают: «Вам еще чаю?»

– Я мог бы многое изменить. – У меня не было ни единого воспоминания и потому ни малейшего представления о том, что, собственно, можно и нужно было изменить, но я решил и дальше гнуть свою линию, что ж теперь оправдываться, отказываться. – Может, мы бы тогда с вами вообще не встретились.

– Ну... – Если у этого Голоса есть лицо или если бы у Него было лицо, я мог бы поклясться, что он улыбается, ведь выражение лица отражается на интонации не хуже, чем в зеркале. – В конце концов мы все равно бы встретились. Ты же не станешь спорить с неизбежностью?

– Угу, – буркнул я, подумав, что этот самый Голос просто издевается. – Но как-то приятнее позже, чем раньше.

По правде говоря, я чувствовал себя полным идиотом. К самой встрече с Ним я уже худо-бедно был готов: чего еще можно было ждать после всех этих полетов, белых коридоров и прочих мистических видений? Но вот происходила эта встреча как-то совершенно неправильно. В книгах и фильмах подобная ситуация

всегда преподносилась как нечто уникальное. Обе стороны произносили возвышенные, исполненные колоссального духовного смысла фразы. Разговор на грани пафоса, никак иначе. А я? Стою посреди белой комнаты – не то призывник на медкомиссии, не то пациент в приемной психиатра – и ничего умнее «угу» выдавить из себя не в состоянии. То ли я непроходимо глуп и невежествен, то ли кино и литература – сплошь фантазии, высосанные из пальца на потребу извечно человеческому «хлеба и зрелищ».

Странно, однако, мысль о том, что я могу находиться на настоящем приеме у настоящего психиатра (никаких умираний, просто слегка свихнулся, и голова моя полна глюками), эту мысль я всерьез не воспринимал. Нет. Я мог сколько угодно размышлять, рисовать себе логически обоснованные картинки, но все это не имело никакого значения. Я просто знал, что происходящее – реальность. Так же, как человек, которому приснилось, что у него вырос хвост, даже во сне удивляется, потому что даже во сне знает: хвоста у него нет.

Вот и я – знал, что все на самом деле. И зачем я сдуру огрызаться начал? Как последний идиот. Нет бы что-то умное придумать.

– Да не переживай ты, – миролюбиво посоветовал Голос, словно отвечая на мой сумбурный внутренний монолог. Впрочем, почему «словно»? Скорее всего, он действительно в курсе моих, как бы это помягче, борений. – Ты вовсе не идиот. Более того, твоя растерянность очень обыкновенна. Тут все такие. И даже еще более того. Скажу тебе, большинство еще хуже. Ты-то как раз производишь впечатление вполне разумного существа: говоришь связно, рассуждаешь, даже понимаешь что-то. Крохи, конечно, но как минимум ты можешь больше, чем основная масса тех, кто попадал ко мне «на прием».

Последние слова Голос произнес нарочито четко, так что я слегка устыдился. Все же не стоило называть это место – чем бы оно ни было – приемной психиатра. Как минимум невежливо. Не говоря уж о том, что, скорее всего, опасно.

– Извините, – невнятно пробурчал я, мечтая провалиться сквозь зем... да уж! просто провалиться на месте.

– Вот этого не советовал бы. Там, внизу, тебя точно не ждет ничего хорошего, – сообщил Голос все с той же безразличной интонацией, с какой сообщают, что

осенью часто идет дождь.

«Да, – сделал я очевидный вывод, – мои мысли для Него столь же ясны, как и мои слова». Но все же не удержался от вопроса:

– А здесь – ждет?

– Если бы ты дал мне договорить, а не отвлекал непрерывно своими мыслями...

И опять ни гнева, ни раздражения, одно бесконечно равнодушное спокойствие. Но мне почему-то опять стало стыдно. Даже странно. Конечно, в меня сызмальства вдалбливали, что перебивать собеседника нехорошо, но мало ли что бывает «нехорошо». Лучше сделать и жалеть, чем жалеть, что не сделал, так вроде бы? Сколько-нибудь всерьез стыдиться я перестал, кажется, еще в детском саду.

– Так вот, дорогой мой. – Я был уверен, что в этот момент мой невидимый собеседник опять ухмыльнулся. – Своим дурацким воплем ты оторвал меня от чрезвычайно интересного занятия. Я смотрел сериал о вашей там жизни.

– Сериал? – опешил я.

– Ну надо же мне как-то развлекаться. Сижу тут вечную вечность, скучища! Вот и смотрю сериалы. Нет-нет, не подумай, не телевизионные. Там – вторичный продукт, а я предпочитаю натуральный. Ну, то, что вы называете реальной жизнью. Ужасно забавно, насколько все одинаково. Женщины из кожи вон лезут, на все готовы, лишь бы мужчины на них внимание обратили, а когда не обращают – слезы, истерики: «Все мужики – козлы, геи и алкоголики!» Мужчины чуть ли не трактаты пишут на тему: «Женщины – безмозглые жадные идиотки». Кстати, обе стороны ошибаются, причем катастрофически. Но это ведь никого не интересует. «Тупая блондинка! Только и умеешь губки да ножки раздвигать!» И тут же: «Карьеристка! О доме совсем не думаешь! Тебе диссертация важнее мужа!» Фантастически глупо, но затягивает тоже фантастически.

Сериалы! Он называет нашу жизнь сериалами! А я-то думал, что ситуация нелепей некуда. Всегда есть куда. Если Он говорит правду, что не факт. Но даже если Он попросту издевается, все еще нелепей.

– Но сейчас я из-за тебя изрядный кусок пропустил, – продолжал Голос как ни в чем не бывало, – хоть на «повтор» нажимай. – Он хмыкнул. – Вот уж совсем было бы глупо – все равно ведь всегда одно и то же. Ладно. Раз уж так вышло, давай воспользуемся ситуацией и сыграем? Я предлагаю тебе игру.

– Игру? – осторожно переспросил я.

– Ну да. Что-то вроде. Я расскажу тебе кое-что из того, чего ты не помнишь или не знаешь, а потом предоставлю право выбора. Играешь?

Да, похоже, кино и литература – не абсолютные фантазии, встречи «в верхах» без таинственных игр с загадочными условиями все-таки не обходятся.

– Но ведь я не знаю правил. – Я не то чтобы торговался, скорее тянул время. С одной стороны, предложенное было страшно интересно. С другой – просто страшно. Шутки шутками (ерничал-то я больше от неуверенности и растерянности, то есть, по сути говоря, от страха сесть в лужу), но если все происходит на самом деле – а это я откуда-то знал, – значит, и расплачиваться придется на самом деле.

– С третьей стороны, – подхватил мой внутренний монолог Голос, – ты все равно уже умер, то есть ничего, собственно, не теряешь. – Не то темп речи слегка увеличился, не то звуки стали чуть выше, но я мог бы поклясться, что в Его тоне угадывалось нетерпение, словно Он был возбужден, как бывает возбужден человек, предвкушающий необычное и чрезвычайно интересное развлечение.

– Но правила-то есть? – Я поднял глаза и посмотрел вверх, как будто Он разговаривал со мной оттуда, хотя на самом деле Голос звучал не то отовсюду, не то сразу у меня в голове.

– Правила я тебе уже сообщил. Теперь пойдут подробности, то, чего ты не помнишь или вовсе не знаешь. Убили не только тебя. Одновременно убито несколько человек. Ты не помнишь, кем из них был, но иначе игра потеряла бы смысл. Каждый из убитых тоже, наверное, хотел бы иметь выбор и уж точно был бы рад, если бы я и в самом деле закрыл свою «приемную» на выходные и дал им еще два дня...

Ну и дела! Тут уж не до шуток. Убийство, да еще нескольких человек сразу – какой-то голливудский триллер. А я, значит, попал под раздачу? И тогда, и, что еще важнее, сейчас.

– Не ломай голову, почему именно ты. Ну, к примеру, потому, что ты очень уж громко вопил «спаси меня». Объяснение, кстати, ничуть не хуже любого другого. И не надо изображать оскорбленную невинность, мои слова не означают, что я избегаю объяснений из-за того, что считаю тебя глупцом. По вашим – человеческим – меркам ты весьма даже не глуп, но есть вещи, недоступные тебе в принципе. Бессмысленно описывать слепому от рождения радугу. Да что я перед тобой распинаясь! Предложение честное, – Голос опять хмыкнул, словно подавляя смешок, – настолько, насколько здесь вообще имеет смысл понятие «честность». А объяснять тебе я уж точно ничего не обязан. Или ты считаешь?..

Я помотал головой.

– Вот и ладушки. Будешь еще перебивать – передумаю. Я даю тебе шанс. Тот самый второй шанс, о котором вы все так страстно молитесь. Ты проживешь за каждого из троих убитых по девять дней. Постараешься их понять, попытаешься полюбить. Ну, или возненавидеть, как получится. Потом вернешься сюда и сделаешь выбор – скажешь, кем из них ты хочешь остаться.

Я задумался. Впрочем, это только так говорится – задумался. Я в общем-то понимал, что особого выбора у меня нет: если меня спрашивают, это еще не означает, что я могу отказаться. Ох, вряд ли. Голос, однако, терпеливо ждал. Ну да еще бы не «терпеливо»! У него тут вечность, почему бы не потратить пару мгновений на ожидание. Да и мысли мои при этом почитать – дополнительное развлечение.

– Не обольщайся, – фыркнул Голос. – Ничего такого особенно интересного в твоих мыслях нет. А выбор, кстати, есть. Можешь и отказаться, без проблем. Не одного тебя убили, предложу ту же игру кому-то из остальных.

– Да согласен я, согласен. Но хоть в общих чертах вы мне расскажете, кем я был, чем занимался, какие люди меня окружали. Я же ничегошеньки не помню!

– Если бы помнил, и игры бы никакой не было. – Голос уже откровенно веселился. – Само собой, я тебе не скажу, кем ты был. Сам догадывайся.

– Как?! – Отчаяние и гнев схлестнулись где-то у меня в горле, вот он какой, пресловутый комок! – Я ведь даже имени своего не помню! Даже не уверен: мужчина или женщина? Может, я вообще не человек, а собака какая-нибудь! Или крыса!

– Хм. Собака или крыса? Это интересно, в следующий раз непременно попробую. Спасибо за идею. А ты – человек, не сомневайся. В остальном обратись к собственным ощущениям. Как вы это там называете? Дежавю? Настройся, вдруг почувствуешь что-то знакомое.

– Сплошные загадки, короче.

– Ох, как вы мне надоели с этими вашими «загадками»! – Голос, кажется, начинал сердиться. – То вам «загадки Вселенной» подавай, то «загадки жизни», а сами-то два и два сложить не умеете. Уж не совались бы! И что самое смешное, каждая «загадка» непременно сведется к тому, что кто-то выше, а кто-то ниже. На днях подслушал двух чудиков: дескать, человеческая жизнь – это компьютер, у некоторых настроена связь с Космосом, а у кого-то – отрезанный от внешней сети дохленький ноутбук с тремя папочками – «карьера», «семья», ну и, может, «любовь», а в папочках огрызки текстов, причем все сплошь ворованные друг у друга. Цирк!

– Не вижу ничего смешного. – Я понимал, что эта якобы прочувствованная речь должна была продемонстрировать мне, что я ни уха ни рыла не смыслю в устройстве Вселенной, но, вместо того чтобы униженно помолчать в тряпочку, зачем-то снова начал возражать: – Не может же быть, чтоб человек состоял только из животных инстинктов, только из желания поесть и... – я замялся, – поспать. Люди стремятся найти свое предназначение, без него не может быть счастья.

Раздавшийся грохот испугал меня больше неожиданностью, чем громкостью. Я даже заозирался: что это такое упало с таким громом? И только через несколько мгновений до меня дошло, что это был Его хохот.

– Голубчик, что за бред? Ты не поверишь, но большинство не слишком-то хочет даже поесть и, – Он хмыкнул, – как ты выражаешься, поспать. Про стремление найти пресловутый смысл жизни и вовсе говорить не приходится. Да если бы не те самые животные инстинкты, вы давно бы уже вымерли. Счастье! Не смехи

меня. Сидеть на мешках с золотом и воровать у соседней медяки – вот оно, ваше счастье. Вместе с предназначением.

– Но зачем же тогда человек живет? Он ведь обогащает на земле свою душу, разве нет? Приобретает баллы, ну или как это у вас тут называется, за хорошие поступки и теряет их за плохие. – Не знаю, что заставляло меня спорить (вот уж глупость несусветная, попер муравей против бульдозера), но мне казалось, что я вот-вот что-то пойму.

– Забавный ты. Задаешь вопрос и сам же отвечаешь. Умный, дескать? Какие баллы? Тела – они вроде сосудов, в них плещется душа. В одном сосуде, в другом, в третьем. Никаких баллов. Хотя что-то вроде вкуса накапливается. Ну вот как ваш коньяк, настаиваясь в дубовых бочках, собственно, и становится коньяком. Только дело-то вовсе не в том, чем он в итоге станет, а в процессе. Счастье, говоришь? Какой может быть разговор о счастье, если вы все – ну большинство – предаетесь либо воспоминаниям, либо мечтам. А того, что сию минуту, не то что не цените, вообще не замечаете. Разве что изредка. В моменты либо восторга – ах, она сказала «да», либо ужаса – саблезубый тигр из-за угла выскочил. Кого ни возьми, за всю жизнь таких моментов минут на пять наберется. А все остальное время? Ты, кстати, такой же. Ох, сколько ж ты раз говорил себе: «Завтра начну новую жизнь». Даже тетрадку завел, эдакий «Дневник гения»: начнешь – и опять листы вырываешь, чтоб начисто. А всего-то и надо было поглядеть в «здесь и сейчас», стать своим собственным наблюдателем. Открыть глаза, перестать быть слепцом вроде тех, на которых я устал уже любоваться. Затягивает, конечно, но ведь одно и то же: страхи без повода, ссоры на пустом месте, амбиции никому не нужные. А слепцы все ходят в этих джунглях и ни шагу наружу. Какое уж там счастье!

– Но ведь без этих контрастов и счастья не почувствуешь! – Я понимал, что произношу ужасающую банальность, но и промолчать почему-то не мог. И потом, банальность – потому и банальность, что отражает реальное положение дел, разве не так?

На этот раз хохот был не грохочущим, а мелодичным, как журчание весеннего ручья:

– Примитивный вы все-таки народ, люди. Основная масса, по крайней мере. Больше одной мысли в голове не помещается, да и одна-то редко заходит. Я тебе только что рассказал кое-что о твоей прошлой жизни, даже кое-какие

секреты судьбы приоткрыл, а тебя все на глубокомысленные сентенции сносит.

Э-эх! Дурак я, дурак. И ведь не запомнил ничего, мысленно обругал я сам себя.

– Не повторяю, и не мечтай, – фыркнул Голос. – Будет тебе урок. Кстати, ты и при жизни не очень-то слушал, что тебе говорят, вылавливал отовсюду лишь то, что считал касающимся тебя лично – частенько ошибаясь, кстати, а прочее пропускал мимо ушей.

Не знаю, на кого я больше злился: на себя или на Него. При этом понимал, что на себя злиться бессмысленно, что сделано, то сделано, не воротишь, а на Него – бесполезно, даже опасно. Но я окончательно запутался, а злость – это хоть что-то понятное!

– Кстати, о контрастах, – продолжал Голос как ни в чем не бывало. – У меня и в мыслях не было убеждать тебя в том, что все эти ваши игры – обиды, страхи, амбиции – не должны существовать. Отнюдь. В них нет ничего дурного. Как, впрочем, и хорошего. И дурное, и хорошее – довольно бессмысленные категории. Бессмысленные применительно к жизни. Просто вы придаете этим фантикам до смешного много значения. Хотя на деле любая проблема, из-за которой вы готовы весь мир обрушить, – не более чем снежинка, летящая в огонь. Любая смертельная обида существует только в голове обиженного. Тоже мне, самураи! А уж как вы друг другу подножки ставите – это вообще нечто запредельное. Главное – зачем? Даже я понять не могу.

Мне вдруг вспомнилось то, что он говорил совсем недавно:

– Сидим на мешках с золотом и у соседей медяки воруете?

– Надо же – запомнил. – Мне показалось, что Голос произнес это с некоторым удовольствием. – Не совсем безнадежен, значит. Правильно запомнил. Только все еще хуже. Золотом сыт не будешь. А вы стараетесь стащить чужой компас, когда свой в углу пылится. И ведь компас, в отличие от золота, чужой никому не подойдет. Так почему же чужой нужнее кажется?

– Но разве это мы решаем? – Я все еще пытался совместить то, что услышал, с тем, что привык слышать всю свою сознательную жизнь. – Миром вроде бы управляют Бог и Дьявол, разве нет? И теми, кто делает зло, владеют черные

силы...

– Ой, прекрати, я тебя умоляю! – делано взмолился Он. – Рано я тебя похвалил. Все-таки ты глупее, чем пытаешься казаться. Гипотезу о белом, черном и сером мире я слышал уже миллиард раз. Почему-то, попадая сюда, все норовят мне пересказать именно эту версию. Ну никакой фантазии у людей!

– О сером? – изумился я. – О сером я никогда не слышал. Он где?

– Между белым и черным! – На этот раз хохот меня почти оглушил.

– Значит, нет ни рая, ни ада? Но если я умер, то куда я попал? – Я чувствовал, что запутался почти окончательно.

– Куда надо, туда и попал, – отрезал Он, но после короткой паузы все же пояснил: – А рая или там ада действительно нет, иллюзия, которую вы сами себе придумываете. Каждому сосуду дается по карме: у птицы есть небо, но ей некуда лететь, у рыбы есть море, но ей некуда плыть, у человека есть земля, но ему некуда идти... Впрочем, смельчаки, которые решаются сделать шаг, все-таки находятся. И это, знаешь, как-то примиряет меня с существованием человечества.

– А эта... игра? – осторожно спросил я, начиная опасаться Его гнева: очень уж много льда было в его интонациях. – Тоже для того, чтобы примириться с существованием человечества? Зачем она?

– Да чтоб развлечься. – Он хмыкнул. – Все знать заранее, видишь ли, очень скучно. А тут такая прекрасная неопределенность. Ну, мне, конечно, любопытно, угадаешь ли ты собственное тело или, скорее, собственное сознание, но это не главное. Так, бонус. Кем ты в итоге решишь остаться – вот это действительно интересно.

– Но хоть намекнуть-то можно? – взмолился я без особой, впрочем, надежды на успех. – Кем я был? Юной прекрасной девушкой или дряхлым стариком?

– Ну, ты же сам хотел свободы выбора, вот и выбирай. – Голос опять звучал совершенно безразлично, словно Ему уже надоело все мне объяснять. – Кстати,

если постараться, даже этот разговор вспомнишь, хотя бы отчасти. Понял? Если постараться. Сколько именно будешь помнить, зависит от тебя. Так что без претензий потом: мол, девушка оказалась больна лейкемией, а старик – тайный маньяк, который питается живыми крысами. Не вопи потом: «Господи, помилуй! Господи, спаси меня!»

– Так вы все-таки Господь! – воскликнул я, подумав, что книжки про «то, что там, после», похоже, все-таки не врал.

– С чего ты взял? – довольно равнодушно возразил Он. – Я лишь воспользовался фразой, которую вы так любите повторять. Вернемся к нашим подробностям. Прожив три варианта, ты выберешь один. Даже если это тело и эта жизнь окажутся на самом деле не твоими, ты проживешь в нем и в ней еще тридцать три года. Двое других погибнут от пули придурка.

– Придурка?

– Ах да, с твоими постоянными перебиваниями я забыл дорассказать. Тихий субботний вечер. В тихое кафе ворвался некий, – Он хмыкнул, – ну, скажем, недоумок. Никчемный, опустившийся, почти в ноль спившийся неудачник. Ну, или считающий себя неудачником, это не имеет значения. Убежденный в том, что жизнь к нему несправедлива, и решивший всем отомстить с помощью пистолета. К счастью, его остановили, спасибо доблестному и, несмотря на предпенсионный возраст, вполне бравому полицейскому, вовремя проходившему мимо, так что убить придурок успел лишь троих. Ну, собственно, вот. Готов сыграть?

– Всегда готов! – не удержался я от очередного шутовства. На самом-то деле мне не столько хотелось вернуться в жизнь (в неизвестно чью жизнь!), сколько не терпелось убраться подальше отсюда, от этого Голоса, убраться куда-то, где будет хоть что-то понятное.

– Поехали!

* * *

Каждый человек всю жизнь, от зачатия до смерти, ведет диалог с Высшим Разумом. Иначе говоря, с Голосом Вселенной. Мы даем ему разные имена: Иегова, Аллах, Кришна, Заратустра, Будда. Но каждый раз, обращаясь за советом, ждем помощи и верим, что мольба будет услышана. Ведем переговоры и верим, что именно от них зависит наш успех.

Глава 2

Мысль о том, что сон – это маленькая смерть, вполне банальна, но от того не становится менее справедливой. Каждое утро в нашей постели просыпается немного другой, немного не тот человек, что ложился в нее вечером. Мы редко об этом задумываемся, но чувствовать – чувствуем. Должно быть, именно поэтому пресловутую новую жизнь люди начинают исключительно с утра. Ну, или хотя бы обещают себе начать: вот проснусь в понедельник (первого числа, в день рождения, после отпуска, нужно подчеркнуть) и...

Иногда, впрочем, такое случается без всяких клятв и зарок. Открываешь глаза и чувствуешь себя кем-то другим, будто бы за ночь тебя подменили. Вот это определенно про меня.

Первой мыслью, посетившей мою голову в момент пробуждения, было: «Что за чушь мне снилась!» Коридоры, белая комната, Голос... какой-то душеспасительный бред! Как в дешевом кино с претензией на глубокий философский смысл – терпеть такого не могу!

Ладно, мало ли что спросонья приглючится. Вот вроде проснулся, я – это я, зовут меня...

«Черт! Черт, черт, черт!» – это была вторая мысль, совершенно бессодержательная и столь же безрадостная. Никакой это был не сон, как бы я себя ни успокаивал. Черта с два! Если бы смутные воспоминания были плодами фантазии, я сейчас знал бы, кто я, где я и вообще что происходит. Но я не знаю, не помню! Проклятье! Паршивое начало паршивого дня.

Да-да, память может отшибить еще и с похмелья. Но ведь ничего похожего: ни тошноты, ни головокружения, и вообще чувствую себя отлично. Вот только кого – себя?

Осознание реальности происходящего (а главное – произошедшего!) было сродни удару по голове. Абсолютно неожиданно и очень больно.

Я даже передумал открывать глаза. Может, это все еще сонные глюки? Что-то вроде ночного кошмара? И если еще немного поспать, то, проснувшись, я узнаю себя, окружающее, вообще все. Продолжу жить, короче говоря.

А пригрезившуюся «встречу в верхах» (жуть какая!) спрячу в дальнем углу своего умственного чердака и открою эту страшную тайну лишь правнукам, лежа перед ними на смертном одре. Когда-нибудь потом, короче говоря.

Идеальный вариант!

«Не упрямясь, – прозвучало вдруг у меня в голове. – Сам же себе хуже делаешь. Ведь всего-то девять дней. Давай, приступай, может, еще и понравится».

Ешкин кот! Я задохнулся, как от удара под ложечку. Приехали. Два варианта. Либо я свихнулся – голоса в голове, видения, зовите психиатров, – либо видения и Голос, при всей своей невероятности, абсолютно реальны. Второе «либо», хоть и пугало своей мистической неизвестностью, нравилось мне все же больше. В психушку как-то не хотелось. Успеется. Буду считать, что все правда: ну да, проснулся в чужом теле, и Некто высший со мной разговаривает, что такого?

«Встаю!» – буркнул я в никуда, точно подросток, которого торопят в школу.

Но глаза открывать пока поостерегся. Несмотря на все попытки самоуспокоения, страх оставался, кажется, единственной доступной мне эмоцией. Пока глаза закрыты – чурики, я в домике! И может, еще повезет все переиграть. А когда открою...

«Какой же ты медлительный!» – Голос в моей голове звучал уже несколько раздраженно.

Да, похоже, переиграть ничего не удастся.

Вдохнул. Выдохнул. Еще раз. Пошевелил пальцами на руках, на ногах – получилось. Ну, по крайней мере не так все плохо: не паралитик, ничего не болит, чувствую себя более чем комфортно, даром что новый «дом» – чужой. Страх понемногу отпускал. Теперь это был уже не всеобъемлющий неконтролируемый ужас, а что-то вроде предэкзаменационного мандража. Не самое приятное чувство, но, в общем, терпимо.

Медленно (как будто это что-то меняет!) открываю глаза...

Взгляд уперся в белый высокий потолок. Слишком чистый, отметил я, для больницы или тюрьмы – это не то чтобы радовало, но в целом поднимало настроение.

Пару минут я лежал неподвижно и слушал негромкий гул, в котором довольно легко опознал шум транспорта. Ага. Значит, тут есть окно, за окном ездят машины. Слегка пошевелился – вроде бы все тело слушается. Ну... поднимаюсь?

Я сел в кровати и бросил взгляд вниз. Худощавое молодое тело. Несомненно, мужское. Почему-то сей факт меня изрядно обрадовал. Притом что я как будто был подсознательно уверен, что так и должно быть, что женщиной я оказаться уж никак не могу. В конце концов, даже «там», беседуя с Голосом, я вроде бы говорил о себе в мужском роде. Кстати, Голос, судя по всему, дал мне дельный совет: чтобы понять, кем я был, нужно прислушиваться к собственным ощущениям, чувствам и мыслям. Искреннее облегчение, которое я испытал, обнаружив себя мужчиной, похоже, как раз из таких подсознательных подсказок.

Вот и ладошки. Пожалуй, теперь можно и осмотреться.

Ох, и свин же я, оказывается! Такой бардак в своей комнате развести (удивительно, как легко я назвал эту комнату своей, без малейших возражений со стороны сознания, подсознания и всего, что там посередине) – это ж месяц специально стараться надо. Диван, кресла, ковер, стол и примыкавший к нему подоконник были почти неразличимы под слоем разнообразных предметов одежды (и, кажется, не все из них были мужскими), книг, бумажных огрызков и целых листов, компьютерных дисков и всякой трудноопределимой мелочи. Например, под столом, в глубине, виднелось что-то коричнево-золотое, похожее на тюбик губной помады. Над завалами опознаваемого и неопознаваемого

барахла слоями лежали ароматы женских духов и алкоголя.

Да уж. Чтобы все это разгрести, понадобится бульдозер.

Впрочем, желание навести хотя бы минимальный порядок послушно отступило перед намерением поскорее освоиться в своем новом теле. Я осторожно встал с кровати (тело слушалось отлично, ни головокружения, ни слабости, можно и не осторожничать) и отправился в ванную. И логика, и интуиция подсказывали, что там должно быть зеркало.

Зеркало там не просто было – оно там царило, занимая чуть не полстены. Хотя и сама ванная комната была весьма просторной и, что меня после пейзажей спальни несколько удивило, чистой. Разве что на зеркале красовались брызги зубной пасты и какие-то разводы – не то от чистящих средств, не то от попыток стереть все ту же зубную пасту. Ну да какая разница, главное, разглядывать себя они не мешают.

В зеркале отражался высокий худощавый молодой – даже очень молодой, не старше двадцати лет – человек. Темные – но не темно-каштановые, а скорее темно-пепельные, – не слишком длинные курчавые волосы спросонья торчали во все стороны. Светлые – то серые, то голубые, в зависимости от поворота головы – глаза обаятельно щурились.

– Да я просто красавец! – Неожиданно вырвавшаяся фраза заставила меня рассмеяться. Настроение стремительно поднималось от «ничего себе» до «восхитительно».

Поэкспериментировав с кранами – кажется, производители сантехники соревнуются друг с другом в стремлении изобрести как можно более непонятный дизайн, – я все-таки сумел принять душ. Вкус зубной пасты мне понравился, сам бы себе выбрал именно такую. Может, это мое тело и моя ванная? И кстати, мой банный халат. В меру теплый, легкий, уютный, словно специально созданный для того, чтобы начинающий день завтрак становился абсолютным удовольствием.

И кстати, о завтраке. Где тут у меня кухня?

Ох, знаю. Причем знаю не только это. Пожалуй, ничего более странного я никогда еще не испытывал. Информация хлынула в мой разум, как вода в ванну. Впрочем, нет, не так. Взаимодействие с потоком разнообразных сведений больше напоминало ответы на вопросы. Стоило мне бросить мысленный взгляд в интересующем меня направлении, как Вселенная (или Высшие Силы, или Единый Мировой Информационный Центр, кто их разберет) сообщала мне все необходимое. Нет, никаких голосов, читающих длинные подробные лекции. Скорее, мгновенный, но очень содержательный киноролик, картинка. Только содержание этого «ролика» попадало в мою голову не снаружи. Все уже было, а очередной мой «вопрос» словно бы включал нужные воспоминания. Так просыпаешься после глубокого сна: где я? кто я? что это? – а потом вдруг не только количество собственных рук-ног вспоминаешь, но и правило буравчика, и название бара, где вчера отжигали.

К моменту, когда я приканчивал четвертый бутерброд с малосолевой форелью (где-то когда-то читал, что рыба очень полезна для мозга, а соображать мне сейчас придется со страшной силой, это-то я понимал), прихлебывая крепкий, сладкий, невероятно ароматный чай, моя голова уже заполнилась разнообразнейшими сведениями. Это даже воспоминаниями назвать было нельзя. Я просто знал: меня зовут Миша, но, поскольку это слишком просто, я предпочитаю, чтобы меня называли Майкл. Мне недавно исполнилось девятнадцать, перешел на второй курс университетского юрфака, коммерческое отделение (юридические термины, водоворотом закрутившиеся в моем мозгу, казались почти незнакомыми, но, во-первых, сами-то термины я все ж таки помнил, значит, откуда-то знал, во-вторых, «платные» студенты вроде бы грызут гранит науки не слишком усердно, значит, поверхностность знаний смущать не должна), обожаю вечеринки и умею их устраивать. Короче говоря, душа общества и вообще баловень судьбы.

Несмотря на следы присутствия женщины в комнате, все остальные пейзажи и натюрморты свидетельствовали о том, что я нахожусь в жилище одинокого молодого холостяка. И тут же, стоило направить внимание в эту сторону, я «вспомнил», что квартиру мне подарила мать (почему-то «вспомнить» ее лицо мне не удавалось, ну и ладно), а то ездить в университет из загородного дома слишком далеко, да и вообще «большой мальчик должен жить один». Действительно, баловень судьбы, «золотой мальчик».

Кстати, о «золоте». Я двинулся обратно в комнату и, порывшись на столе, выудил из-под завалов банковскую карточку – действительно, «золотую». После

секундного размышления-«вспоминания» внутри верхнего ящика стола нашелся приклеенный сбоку листочек с пин-кодом и четырьмя словами: «Не разбрасывай где попало!» Почерк был женский. Надо полагать, как раз материнский.

За сдвижной зеркальной панелью напротив дивана (интересно, а почему я сразу это зеркало не заметил? спросонья, что ли?) обнаружился гардероб: слева полки со стопками джинсов, маек, свитеров, справа вешалки с явно недешевыми костюмами. Мне хотелось выглядеть поэлегантнее, и я выбрал легкий льняной костюм цвета топленого молока, удивительно приятный на ощупь и, как тут же выяснилось, практически не мнущийся. Натягивая брюки, я повернулся, и взгляд мой упал на не замеченный до сих пор плакат, с которого едва не выпрыгивал блестящий черно-серебряный «Харли-Дэвидсон». Мотоцикл был окружен рисованным лозунгом: «Трасса одна, но скорость у каждого своя». Я едва не задохнулся от восторга и, точно повинувшись указанию плаката, выдернул с одной из полок черную футболку с изображением кнопок Ctrl, Alt, Delete – перезагрузка системы, вот забавно! – немного ниже левого плеча. Сперва-то, балбес, собирался рубашку надевать, как приличный сладенький мальчик. Фу, скукотища!

Я еще раз взглянул на легендарный мотоцикл и, точно повинувшись бессознательному толчку, из-под свисающей с подоконника рубашки вытащил ключи от автомобиля. Перед внутренним взором нарисовалось что-то ярко-красное, хищно приземистое и явно очень дорогое. «Ягуар»? «Феррари»? Ладно, там увидим.

«Здорово-то как, черт побери!» – ликовал я, едва не прыгая до потолка: бурлившего внутри восторга хватило бы, чтобы запустить меня на орбиту, честное слово. И ведь есть от чего приходиться в восторг, а? И деньги, и внешность, и – молодость, сказочно прекрасная изобилием шансов и возможностей. Самое начало жизни. Старт. И какой старт! Сколько впереди удовольствий, встреч, событий, побед... да хоть бы и поражений! В двадцать лет даже сиюминутные неудачи – не более чем приключения. Я чувствовал, как меня переполняют азарт и жажда жизни, жизни во всех ее проявлениях. А ведь чуть было не профукал, балбес, все эти чудеса! Как мне только мысль-то такая в голову могла прийти – отказаться от игры с Голосом?! Даже если Майкл – не настоящая моя сущность (хотя я уже чувствовал себя в его теле буквально «как дома»), мне же дают возможность выбора! То есть, когда закончатся пробные девять дней, я смогу и дальше наслаждаться всеми радостями жизни «золотого мальчика»!

Я подбросил на ладони ключи, звон которых звучал в ушах как самая сладкая музыка. Голова кружилась от открывающихся перспектив...

Полно тебе. Разве бывают люди, у которых все настолько великолепно? Может, у Майкла какие-то проблемы?

Но эта здравая мысль меня почему-то не испугала. Я вспомнил, что Голос обещал мне тридцать три года жизни в выбранном теле. Значит, смертельных заболеваний у «золотого мальчика» точно нет. А все остальное... Да ладно! С деньгами – а я точно знал, что у Майкла их более чем достаточно, – любые проблемы решаются в два счета! Не об этом ли я всегда мечтал?

Стоп!

Я на мгновение замер, пораженный внезапной догадкой. Деньги... значит, настоящий я всегда мечтал разбогатеть? Я плюхнулся в заваленное джинсами и майками кресло, пытаюсь собрать бешено летящие мысли. Мечта о богатстве – это мое собственное воспоминание? Или Майкла? Может ведь так быть, что «золотым мальчиком» он стал совсем недавно? Но тогда столь же возможно, что я и есть Майкл? И чувствую то, что чувствует он, не только потому, что оказался «в его шкуре», а и потому, что это – моя собственная шкура. Окончательно запутавшись, я стиснул руками голову, которая, казалось, была готова разорваться от противоречивых мыслей. Надо успокоиться. А то вон даже в ушах звенит.

Ан нет, не в ушах. Я вытащил откуда-то из-под себя мобильник, поднес к уху... тишина!

Идиот! Это же не вызов, а смс!

Нажав кнопку, я открыл сообщение от какого-то Кирилла: «Сегодня ко второй паре, помнишь? Не опаздывай, ленивая задница».

Возле кресла скучал дорогой кожаный портфель. Я наугад побросал туда какие-то книжки и тетрадки, сунул ноги в итальянские мокасины, на секунду восхитившись их комфортной мягкостью, подхватил с пола (чем тут вчера этот Майкл занимался? совсем на рогах был?) связку ключей от квартиры и выскочил из дома.

Надо же! Двух часов не прошло, а я уже начал называть эту безликую – за исключением разве что плаката с девизом – квартиру домом. Впрочем, оно и к лучшему, надо вживаться в образ. Пока вроде неплохо получается.

И с автомобилем я «угадал»: красный «Ягуар». Хищно прищурившийся, обтекаемый, низкий, точно приготовившийся к прыжку... ой, мамочки! Я же не умею водить машину, не помню, как это делается!

«Цыц! – осадил я сам себя. Прекратить панику! До сих пор все получалось, и сейчас не с чего трястись». И в самом деле: едва я скользнул в прохладный салон, все пошло как будто само собой: поворот ключа, мягкое урчание мотора... я все помнил! Ну или это Майкл все помнил, а я «подключился» к его навыкам.

Лихо припарковавшись возле университета (дорогу выбирал, положившись на инстинкт), я цыкнул на себя еще раз: «Помни, дорогой, – твердил я себе, – ты Майкл, Миша, баловень судьбы, «золотой мальчик» и будущий преуспевающий адвокат. Нос выше, плечи развернуть, глядеть на всех... да как на неудачников!»

Золотые ручки тяжелых дубовых дверей ехидно поблескивали, словно подмигивали.

Глава 3

Не успела за Мишей закрыться дверь аудитории, как на него налетело сразу полгруппы.

– Долго спишь, старик! Чуть не опоздал. – Здоровенный, под два метра ростом парень хлопнул Михаила по плечу. – Я так и решил, что та девица тебя совсем измочалила, потому и эсэмэску кинул, а то сегодня ж ведет эта злобная грим...

– Спа...

– Что еще за девица?! – взвизгнули откуда-то справа. – Майкл, что за дела? С девицами как бы шляешься, а ко мне даже типа на чашечку кофе не зашел?! –

Стриженная, улыбающаяся «во все тридцать два» брюнетка ловко поднырнула под мышкой гиганта и, картинно уперев руки в бока, встала перед Мишей.

- Я... - начал было он, но договорить опять не дали:

- Светик! - Здоровенный парень легко приподнял брюнетку и, посадив на соседний стол, легонько постучал указательным пальцем ей по носу. - Ты же в курсе: Майкл ждет не дождется великую сияющую любовь. Но просто ждать скучно, приходится пока обходиться всякими промежуточными вариантами.

- Да иди ты, Кирюшенька! - Девушка, спрыгнув со стола, расхохоталась, чмокнула Мишу в щеку и, пританцовывая, вернулась на свое место в глубине аудитории.

- Может, и мне дадут наконец слово сказать? - пробасил Миша, набрав в легкие побольше воздуха.

Но стоявшие вокруг ребята только рассмеялись и начали ободряюще хлопать его по спине. Некоторые - девушки, разумеется, - попадали и пониже.

- Это что за бедлам?! - Дверь растворилась, и в аудиторию вплыла сурового вида дама. - Быстро по местам. Сесть, сесть, живо!

- Всем сесть. Суд идет! - прошептал Кирилл, пробираясь на свое место. Вокруг раздались сдавленные смешки.

- Встать... - задумчиво пробормотал Миша, почти наугад (интуиция, выручай!) доставая из портфеля какую-то тетрадку. - Всем встать.

- Сесть-встать, сесть-встать, упал-отжался, - фыркая от сдавленного смеха, подхватил было Кирилл, но, взглянув на приятеля, изобразил на лице гримасу подчеркнутой обеспокоенности: - Что-то ты нынче серьезен не в меру... Юноша, куда вы дели нашего веселого Майкла?

- Я его убил, а сам влез в его тело и теперь прикидываюсь, что я - это он, - честно ответил Михаил.

Кирилл прыснул в кулак:

– Да уж, приятель, любовь к фантастике до добра не доведет, скоро Ктулху, – он картинно вытаращился, изображая панический ужас, – в собственном портфеле искать начнешь. Да и та блондиночка, видать, веселую ночь тебе устроила: ты сегодня и впрямь как будто не ты, а какая-то тень отца Гамлета и умирающий лебедь в одном флаконе.

Миша томно закатил глаза и как бы в полном изнеможении откинулся на спинку сиденья. Вокруг тем временем продолжались шепотки, шутки и прочий веселый шелест. Преподавательница сурово поджимала губы, но добиться тишины и внимания не могла: начало семестра, до следующей сессии – как до Луны, за спиной – едва закончившееся лето, у всех масса новостей. Ну в самом-то деле, какая тут может быть учеба!

Весь день пролетел приблизительно по тому же сценарию: преподаватели ничего особо не требовали, бубнили свое, почти не обращая внимания на поведение аудитории, студенты в основном болтали и делились летними впечатлениями. С Мишей хотели поделиться если не все, то уж половина курса точно. Друзей у него было не много, а очень много! Ну ладно, пусть не друзей, а приятелей, но так даже веселее! Обязательств меньше, а удовольствия не в пример больше.

Несколько человек, однако, на бурлящее в группе веселье косились с явным недовольством. Лица их изображали готовность «учиться, учиться и еще раз учиться», а Мишина компания, видите ли, этому мешала. Подумаешь!

– Нищоброды и ботаны, что с них взять, – фыркнул Кирилл, когда их в очередной раз попросили вести себя потише. – Несправедливо, видите ли, что некоторые родители стараются для своих отпрысков, а некоторые и рады бы стараться, да сами никчемушники. Подумаешь, родители! Вместо того чтобы ныть и завидовать, помыли бы свои патлы и перестали сутками в Интернете торчать, на зловредную судьбу жаловаться. Может, и толк вышел бы!

Миша хотел было возразить, что от стартового положения все-таки немало зависит, но наткнулся на ненавидящий взгляд одного из «нищобродов» и подумал, что дело, может, и впрямь не столько в личном достатке, сколько в содержимом головы.

- Унылые задроты, - согласился он и отвернулся.

- Бюджетники! - ухмыляясь, подсказала Светка.

Те, кто учился «на свои деньги» (на самом-то деле на родительские, но какая разница), составляли на курсе абсолютное большинство. Студентов-бюджетников было по три-четыре человека на группу, так что вполне естественно, что воспринимали их как диковинку, как экзотических зверушек: надо же, что в жизни бывает! Чаще, впрочем, вовсе никак не воспринимали: ну грызут свой гранит и грызут, и пусть их, лишь бы под ногами не путались. Студенческие годы - самые веселые, это ж аксиома! А тут эти, заучившиеся, своим унылым видом половину кайфа портят!

- Вот уж ты не дашь заскучать, одно слово: Майкл - душа компании! - Кирилл продолжал вещать и во время перерыва, когда их компания оккупировала самый приличный из факультетских буфетов, тут даже соки были не из тетрапаков, а свежавыжатые. - Такие тусняки, как ты, ни у кого больше не выходят. Умеешь отжигать! Что бы мы без тебя делали!

- Да знамо дело, - ухмыльнулся Миша, довольный комплиментами, - грызли бы науку, как последние ботаники.

- Да вообще давным-давно бы со скуки перемерли, - поддержала Светка, звонко выстукивая тонким каблучком на мраморном полу какой-то латинский ритм. - Что ты там на вечер запланировал? Или опять сюрпризы готовишь?

- Увидишь. - Миша сделал загадочное лицо. - Подгребай к восьми, наших всех приводи. Веселье гарантирую.

- М-м-м... - Девушка мечтательно улыбнулась, прикрыв глаза. - Заранее предвкушаю. Ты лучше всех умеешь публику развлечь. Особенно когда ты и глотнуть, и покурить пригото...

- Тихо ты, - шикнул Кирилл, - совсем не соображаешь?

Вообще-то можно было бы и не шикать, ничего особенного в Светкиных словах не было. Чего такого она сказала, чего вздрагивать! Впрочем, мало ли кто что

может подумать.

– Да ладно, – отмахнулась Светка, – подумаешь. Мишка же действительно достает превосходные... закуски. – И она лукаво подмигнула.

– Любой ваш каприз, – шутовски раскланялся он. – Все сделаем по высшему разряду. После пар заскочу в одно место, договорюсь насчет бухла, хавчика... ну и насчет... закусок.

– А в честь чего, кстати, собрание? – спохватился внезапно Кирилл. – Конец лета вроде отмечали, начало учебного года тем более. А сегодня даже не конец недели. Что праздновать-то собираемся?

– Ну-у-у... – протянул Миша, – скажем так. Я сегодня, проснувшись, почувствовал себя совершенно другим человеком. Так что можно назвать это днем рождения. И я на триста процентов уверен, что в ближайшее время – и в дальнейшее тоже! – все будет просто офигеть как зашибись!

– Это повод, – на удивление серьезно согласился Кирилл. – Я даже сказал бы «причина». – Он поднял стакан с соком. – За то, чтобы у всех нас все было офигеть как зашибись и зашибись как офигенно!

* * *

– Михаил, вы опять опоздали, – безразлично констатировал лектор, едва взглянув на Мишу, влетевшего в аудиторию через добрых двадцать минут после звонка. – Садитесь и будьте добры потише, пожалуйста. Не мешайте.

– Спасибо, – буркнул Миша, радуясь, что не надо выслушивать нотацию стоя. Стоять не то что не хотелось – не моглось: предыдущий вечер удался на славу.

Парень потихоньку пробрался мимо приятелей, таких же сонных и осоловевших, в дальний конец аудитории. Тут можно было уложить гудящую голову на стол и прикрыть глаза. Может, даже подремать. Препоп бубнит так монотонно, так усыпляюще... Если глаза закрыть неплотно, сквозь ресницы видны расплывчатые цветочные пятна, в сочетании с лекторским «бу-бу-бу» выходит отличная колыбельная. Пятна слегка покачиваются, покачиваются, покачиваются...

Справа виднелось что-то белое. Да не просто белое, а – Белое! Прямо сияющее. Какой придурок в аудиторию фонарь припер?!

Миша приоткрыл один глаз. Белое оказалось блузкой. Впрочем, действительно сияющей. Прямо ослепительной. Другие девицы стразами с ног до головы обклеиваются, ворочалось в сонной Мишиной голове, а у этой блузка сияет, тоже ничего. Да и сама девица вроде ничего. Только почему-то он ее не помнил...

Девушка, прикусив нижнюю губу, старательно записывала лекторское «бу-бу-бу» и время от времени с сочувственным интересом взглядывала в Мишину сторону. Блузка была, вероятно, шелковая, очень гладкая, так что толстенная русая коса при каждом движении головы соскальзывала со спины вперед, незнакомка досадливо перебрасывала ее обратно. Слепяще-белая, застегнутая до горла блузка дополнялась длинной (с Мишиного места было неплохо видно фланг соседнего ряда) темной юбкой. Ну и костюмчик! Не то курсистка из XIX века, не то героиня Чернышевского, не то одна из чеховских трех сестер. В общем, тургеневская девушка.

Прямо ангел какой-то в наш бедлам залетел, подумал Миша и сам удивился неожиданной мысли. Интересно бы посмотреть, как этот ангел в эдакой юбке в трамвай залезает. На автомобилевладелицу уж точно не похожа. Или, может, ее после занятий встречает шофер на «Кадиллаке», присланный суровым папашей-миллиардером? Миша усмехнулся. Надо же, какая дурь в голову лезет. Но прикид у нее действительно нестандартный. Наши-то дурищи в гламурные бренды как упакуются (ага, мода – наше все!), так и уверены, что самые крутые, что все теперь только на них и смотрят, что вот прямо сейчас под окнами выстроится очередь с бриллиантовыми обручальными кольцами. Причем бренды у всех дурищ одни и те же, а уверена каждая про себя. Еще и побрякушками увешаются, рождественская елка от зависти завянет, и на головах не пойми что под названием «Все ведущие тенденции сезона в одном флаконе нашего шампуня-кондиционера». Ну и макияж – «на тропе войны». Некоторые, впрочем, на радость преподам бизнес-леди изображают: юбка до колена, очки, портфельчик, туфли а-ля завуч – причем все тоже брендовое. Изображают, в общем. Пестрота-пестрота, аж в глазах рябит, а сливается в нечто сугубо монотонное, вон как лекторский бубнеж.

А эта, тургеневская, странная. Не только потому, что на блузку аж глядеть больно, вообще странная. Вещь в себе. Девушка-ракушка. Интересно, а как

насчет полагающейся внутри ракушки жемчужины?

– Михаил, я к вам обращаюсь, – прервал его странноватые размышления сухой голос преподавателя. – Причем уже в третий раз. Я привел пример, хотелось бы услышать, как бы вы справились с подобным казусом.

Миша покосился влево-вправо: хоть бы кто шепнул, что за пример, дальше можно что-нибудь придумать... Но все занимались своими делами: шептались, рисовали в тетрадках, дремали, как он только что. Многие пялились в телефонные экраны, не в силах даже на занятиях обойтись без «общения» в соцсетях.

Только «тургеневская девушка» бросила в Мишину сторону сочувственный (хотя и укоризненный) взгляд и... подняла руку:

– Антон Григорьевич, можно мне? Я как раз недавно интересовалась этой проблемой...

– Что ж... пожалуйста... – Преподаватель на мгновение запнулся, заглянул в какие-то листки. – Пожалуйста, Соня. А вы, – Михаилу достались презрительный прищур и брезгливая гримаса, – уже спускайтесь с небес на землю. Вам тут, знаете ли, жить и работать. А сперва – учиться. Уяснили?

Соня, значит, мысленно отметил Миша и, повернувшись поудобнее, начал разглядывать легко поднявшуюся со своего места спасительницу. Удивительно: наглухо застегнутая блузка (не облегающая, даже не прозрачная!) и строгая юбка в пол подчеркивали сексуальность Сониной фигуры куда сильнее, чем популярные у большей части студенток юбки-пояса, узенькие, с низкой талией брючки а-ля «вторая кожа» и коротенькие топики, позволяющие лицезреть все мыслимые разновидности татуировок (неприменно на границе декольте или пояса джинсиков, как бы с намеком на немислимые продолжения) и пупочного пирсинга. Миша ничего не имел против симпатичных девичьих пупков, но когда их вокруг десятки... надоедает, знаете ли. Все равно что работать на кондитерской фабрике: через пару дней от сладкого тошнить станет, о соленом огурчике, как о манне небесной, мечтать начнешь. Так и обилие продуманно полуобнаженных и старательно подчеркнутых, бьющих в глаза прелестей превращает эти самые прелести в собственную противоположность. Какой уж там sex appeal! Сонин же подчеркнуто скромный наряд словно высвечивал все

достоинства фигуры. Достоинств было немало (Мишин взгляд, как и полагается ценителю, скользил снизу вверх): плавные линии бедер, округло сходящиеся к узкой талии, высокая грудь (поднявшись, девушка перестала горбиться и держалась подчеркнуто прямо, как балерина), стройная шея, точеный подбородок... Сдержанная, но изящная жестикуляция подчеркивала красоту хрупких запястий и длинных пальцев... И голос такой... приятный: и не повизгивает болонкой, и не басит а-ля роковая женщина...

Впрочем, даже вслушиваясь в голос девушки, Миша абсолютно не вникал в то, что же она там говорит. Разглядывать ее было гораздо приятнее. Ну и рисовать всякие мысленные картины... Правда, картины рисовались какие-то очень уж невинные, вроде блуждания по листопадно-золотому осеннему парку. Он попытался настроиться на более интимный лад, но максимум, что удалось представить, было гулянье под одним (в смысле общим) зонтом.

Вот уж воистину – ангел небесный, гений чистой красоты, удивился сам себе Миша. Но даже удивляться было приятно, так что возвестивший окончание лекции звонок Миша воспринял с некоторым разочарованием. Он бы, пожалуй, еще полюбовался сквозь полудрему, а тут, извольте радоваться...

– Майкл, здорово, ты как? – Кирилл, подскочивший к Мише, едва закончилась пара, дружески двинул его в плечо. – Оклемался? Ничего так вчера гульнули! Я твитнул сразу, так все аж обзавидовались. Эй, ты чего, корни пустил или от вчерашнего не отошел еще? Идешь?

Миша двинулся вслед за приятелем к выходу из аудитории, но как-то механически. Перед внутренним взором стоял образ спасшей его от преподавательского гнева незнакомки. Он видел ее то рассуждающей о юридических тонкостях, то почему-то на фоне осенних деревьев, в багряно-золотой короне из кленовых листьев, то в дождевой полутьме...

Но как, однако ж, Кирюха ухитряется быть таким бодрым, после того как вчера влил в себя чуть не ведро разнообразного алкоголя? Это не считая «закусок»... ох.

– Или тебя Сонечка эта зацепила? Ты так на нее пялился, я думал, сейчас у нее блузка задымится.

– Странная она какая-то. – Миша решил не обращать внимания на подколки, да и сил на это, по правде сказать, не было. – Почему я ее раньше не видел?

– Так она ж новенькая, перевелась откуда-то, – повел плечом Кирилл и тут же предложил: – Хочешь, уточню?

Вот что-что, а на помощь Кирюха всегда был готов кинуться. Ну, если, конечно, это не требовало с его стороны каких-нибудь особенных жертв. Лучше всего у него получалось гасить конфликты: улыбочка, шуточка – и любая склока тонула в общем хохоте. Юмор – вообще хорошее лекарство от накала страстей, особенно бессмысленных. Внушительные же габариты Кирилла и солидный стаж занятий карате, благодаря которым он заработал парадоксальное при таких размерах прозвище Джеки Чан, делали «лекарство» особенно действенным. Желаящих Кириллу возражать, а уж тем более выяснять с ним отношения не находилось. Да и надобности, в общем, не возникало: характер у него был легкий, а шутки – совсем не обидные. Девушки и вовсе были от него в восторге, шепотом пересказывая друг другу подробности проведенной с «секс-символом факультета» ночи. Без зависти к очередной пассии, конечно, не обходилось. Но Кирилл был любвеобилен, вниманием своим жаждущих не обделял, так что завидовать было глупо, каждая «претендентка» отлично понимала: сегодня ты, завтра я. Да и серьезных планов на героя-любownika никто не строил, каждая ждала олигарха на «Майбахе» или в крайнем случае на «Бентли», оттачивая тем временем мастерство в искусстве «горизонтальной акробатики». И понятно, что лучшего «тренера», чем Кирилл, тут и желать было нельзя. Сам же он относился к сексу не серьезнее, чем к еде: приятно и для здоровья полезно, так чего ж тут огороды городить, высокие смыслы разыскивая. Если бы его спросили, зачем и почему он с такой легкостью меняет одну длинноногую силиконовую красотку на другую, он бы наверняка удивился: а почему нет? Сами же на шею вешаются. Кто ж откажется от бесплатного мороженого? Холодное, конечно, но вкусное! Главное – не переедать, потому что вкусное, конечно, но – холодное, от избытка можно и простудиться.

Миша сам удивился, поймав себя на столь обширных размышлениях на пустячную, в сущности, тему. Но сейчас бесконечная череда вечеринок вдруг начала казаться чем-то бессмысленным. Даже, пожалуй, утомительным. Зачем все это?

– Ну так чего? – Кирилл шутливо толкнул его плечом. – Запал на девочку? Собрать тебе информацию? Хотя... уж больно серьезна.хлопот с такими не

оберешься. Я вот даже пальцем бы не шевельнул, чтобы хоть одну пуговку ей расстегнуть.

– Тебя вроде никто и не заставляет, – с неожиданным раздражением парировал Миша, но тут же постарался взять себя в руки: вот еще не хватало из-за девчонки идиотом себя выставить. А проявление искреннего интереса – это, безусловно, идиотизм. Шуточек не оберешься. – Да ладно, я просто пытался понять, что за штучка. Ни на гламурищ наших не похожа, ни на нищобродку ботаническую. На портфельчик обрати внимание.

Кирилл почти демонстративно смерил взглядом присевшую на подоконник с учебником Соню и удивленно вздернул бровь:

– Однако. Вроде лакостовский. Да и туфельки явно не с вьетнамского рынка.

Миша хмыкнул:

– Вот то-то же.

Но Кирилл покачал головой:

– Тем более. Я ж говорю, непростая девочка, сложностей не оберешься. Тебе оно надо?

Миша расхохотался:

– Так это вроде ж ты и решил, что мне оно надо. У меня интерес исследовательский, а ты внезапно с чего-то решил, что практический...

– Да уж... – Кирилл не успел договорить, как на них налетела веселая компания.

– Вот вы где! Теперь вся компашка в сборе! Миха, Леха, Петруха, Натаха, Кирюха – вот она, жизнь-замануха! – Петины ужимки изрядно напоминали ярмарочного Петрушку в полном соответствии с простецким именем. – Где в эти выходные оттягиваться будем?

Миша опять почувствовал, как скука начинает переходить в раздражение. Неужели он – часть этой дурацкой тусовки? Причем часть довольно важная, судя по взглядам и репликам, без него тут ни одно веселье не обходится. Или это из-за того, что он даже среди этой золотой молодежи – один из самых обеспеченных?..

Да черт побери, что с ним сегодня творится? Что за мысли дурацкие, как не свои!

– Эй, Майкл, не спи, – толкнул его в плечо Петя. – Леха предлагает пикничок замутить, ты участвуешь? Шашлычки, озеро, купанье при луне в костюмах Адама...

– И Евы, – прыснула пухлогубая красотка в завязанной под грудью прозрачной рубашке и джинсовых, с кружевными вставками шортиках, открывающих смуглый животик...

И, екарный бабай, разумеется, камушек в пупке, с очередным приступом раздражения подумал Миша, как же можно без пирсинга, что ты! Как из инкубатора, честное слово! Точнее, из стрип-клуба. Одеваются так, словно в каждой аудитории рядом с лекторской кафедрой по шесту для стриптиза установлено. Но вслух сказал только:

– Отличная идея, я – за, само собой.

– А сегодня тогда по клубам только слегка прошвырнемся, чтоб сил не растерять перед отдыхом, ха-ха-ха, – не унимаясь, балаганил Петя.

Соня куда-то подевалась. Миша огляделся – вроде только что вон у того окна была – и уже нет, как пригрезилось. Тьфу ты! Может, наплевать на последнюю пару? В конце концов, у коммерческого отделения есть масса плюсов, основной из которых состоит в том, что любые учебные и околоучебные проблемы могут быть решены финансовым путем. Хотя вовсе на занятия не ходи, все равно не выгонят. С другой стороны, стоит ли пользоваться этими возможностями так уж нагло? Мать и так в него кучу денег вкладывает... Миша вздохнул и двинулся в аудиторию.

Надо же, хмыкнул он, войдя в душный кабинет и увидев за одним из первых столов Соню, правильные поступки иногда вознаграждаются. Не привиделась. Сидит себе, вполне реальная, из плоти и крови. Если приглядеться, так даже и не красotka вовсе. Миша забился в самый дальний угол, достал телефон и всю пару играл в какую-то бессмысленную онлайн-игру.

Едва дождавшись завершения учебного дня, он почти вывалился – ну и духота, черт бы их побрал! – на крыльцо, размышляя, в каком из клубов повеселиться.

– Все-таки маман твоя – молоток! – восхищенно причмокнул Кирилл, глядя, как Миша садится в машину. – Такую тачку подарить, это что-то!

Миша только усмехнулся.

* * *

– Майкл... а, Майкл? – Приоткрыв глаз, он увидел томно улыбающуюся пухленькими губками блондинку с кукольным личиком. – Где ты меня завтраком будешь угощать? А потом покатаешь, да? Или хочешь, я сама завтрак сделаю? Ма-а-айкл?

Миша замычал, вспоминая поговорку: чем веселее вечером, тем тошнее с утра. Вроде ведь и не планировали ничего, но оно как-то само все сложилось. Миша еще раз попытался если не открыть глаза, то хотя бы припомнить основные события прошлого вечера: сперва в модный ресторан (поужинать-то надо!), потом ставшие недавно традицией гонки на заброшенной трассе, потом в клуб (чувствовать победителей, а как же!)... В клубе эта блондинка подвернулась или раньше? И к слову, а в каком клубе они гуляли-то?.. Сейчас уже и не вспомнить...

– Ма-а-айкл? Как насчет завтрака?

Ох, до чего ж пронзительно щебечут эти красотки, сил нет. Как, кстати, ее зовут-то хоть? Галя? Или Валя? Или просто Аля? Впрочем, какая разница! Все равно через час ее тут уже не будет.

– Воды принеси. И кофе сделай... пожалуйста. – Миша вытащил себя из постели и поплелся в ванную. Девушка, в это время напялив его рубашку, тыкалась по

кухонным полкам, и он с некоторым раздражением подумал: почему поголовно все эти красотки свято убеждены, что мужская рубашка вместо халатика – страсть как сексуально? Но тут гостя удачно повернулась, демонстрируя весьма аппетитную попку... А может, и не зря убеждены... Раздражение слегка утихло, Миша даже улыбнулся: девица вполне тянула на экстра-класс. В конце концов, только это ведь и важно: знать, что все, чем ты пользуешься, – экстра-класс. В том числе и девушки, разумеется. Даже единовременные, как обозначал их Кирюха, стараясь подобрать к слову «одноразовая» синоним покорректнее. Хотя... одноразовая – она и есть одноразовая, подумал Миша, чего танцы церемониальные плясать?

Лениво водя по зубам щеткой, он прислонился к дверному косяку ванной комнаты: продолжать ночные игрища не хотелось (видать, ублажила его гостя по полной программе, жаль, что помнится все совсем смутно), но понаблюдать за полуголой красоткой – ну вот чисто с эстетической точки зрения – почему бы и нет? От головной боли, во всяком случае, отвлекает. Какое счастье, что сегодня опять ко второй паре.

После душа голове стало намного легче. Поразмышляв недолго – минуты две, не больше – у гардероба, Миша выбрал костюм и вышел на кухню. Контраст между собственным «готов к выходу» и почти голой Галей-Валей-Алей показался ему забавным. Как там называлась эта скандальная картина кого-то из французов? Та, что с мужчинами во фраках и голыми девицами. «Завтрак на траве»?

На кухонном столе красовался натюрморт в стиле «ах, милый, я еще и готовить умею»: вокруг чашки кофе разместились три-четыре тарелочки с выложенными на них закусками. Да уж, подумал Миша, вытащить из вакуумных упаковок ломтики сыра, ветчины и семги – верх кулинарного мастерства! Даже тарелки в сушилке нашла – медаль суперхозяйке!

«Суперхозяйка», зазывно улыбаясь, плюхнулась к нему на колени и подцепила с тарелочки ломтик сыра, явно намереваясь начать игру в «кормление с рук». Миша пересадил девицу на соседний стул и отхлебнул кофе:

– Иди одевайся уже, что ли?

Гостя обиженно надула и без того пухлые губки, но Миша уткнулся в чашку, поведя плечом – иди, мол, уже. И пока девица не собралась, так и сидел –

отвяжитесь, мол, кофе пью. Кофе, кстати сказать, не хотелось совершенно. Миша вылил в себя с полбутылки холодной минералки, обулся, позвенел демонстративно ключами – на выход, дорогая. Старательно поднимаемых как бы в недоумении бровок он столь же старательно не замечал, а глубоких недовольных вздохов как бы не слышал. Вот так с ними и надо: осознав, что усилия безуспешны, девица даже щебетать перестала, вот счастье-то!

Высадив ее где-то в центре – ой, милый, мне еще к массажистке нужно заскочить, но вечером ты ведь обязательно позвонишь, да? – Миша двинулся в сторону университета, подумывая, что, может, и не стоило так стремительно выставлять гостью, вполне можно было уже в трезвой памяти повторить что-нибудь из ночной программы. А то бессмыслица какая-то выходит с этой Галей-Валей-Алей, равно как и с прочими ее клонами. С утра все равно толком не помнишь никаких ночных удовольствий, а затраты выходят изрядные.

Хотя, конечно, ему ли беспокоиться о финансах? Как говорил один из нынешних поп-деятелей, деньги не приносят счастья, но хорошо успокаивают. Не в бровь, а в глаз.

Вообще-то, вспомнил Миша, этот афоризм, по слухам, придумал вовсе не поп-деятель, а какой-то писатель... Но откуда бы писателю знать про богатую жизнь?

Богатую. Когда беспокойство о завтрашнем дне сводится к сомнениям по поводу выбора между тем и этим ночным клубом, костюмом или шампанским. Ну, или той, или этой девицей. И, главное, никаких «за чей счет этот банкет»! Деньги – потрясающая штука. Черта с два без них станешь душой компании! Без них даже физиономия становится такой унылой, что от тебя все шарахаться начинают. Деньги – это миллион возможностей и никаких обязательств!..

Ну, кроме минимальных, конечно. Ежу понятно, что если ты можешь себе позволить все самое-самое, то телефон позапрошлогодней модели или абы какой костюм ты себе позволить уже не можешь – не поймут, станут коситься, причислят к быдлу, к толпе, к биомассе. Кажется, французы придумали фразу про положение, которое обязывает? Действительно, так. Вон ботаников-нищевродов никто ни к чему не обязывает: ходи в чем хочешь, с кем хочешь и куда хочешь. А все потому, что у них-то этого самого положения вовсе нет!

Но вообще-то интересно было бы попробовать, каково это – жить без необходимости «соответствовать»... Стоп. Бедная жизнь... это ему знакомо... или нет?..

– Ау, Майкл, опять где-то витаешь? Тук-тук. – Наташа легонько постучала ему по лбу.

Оказывается, он уже успел – спасибо тебе, автопилот! – добраться до университета: вот коридор, вот дверь в аудиторию, вот реденькие кучки сокурсников у окон и по углам. Доразмышлялся!

– Ты перебрал, что ли, вчера? Или девица некачественная оказалась? – Наташин взгляд был тревожным и насмешливым одновременно. – Мрачный какой-то. И вообще, ты странный в последние дни. Словно мы все тебе надоели...

– Да я...

– Ой, я тебя умоляю. Ты сейчас скажешь, что как всегда круто отжигашь и вообще первый активист, да? Только отжигашь ты... – Она на мгновение задумалась, – без огонька. Точно номер отрабатываешь. А сам в это время какие-то мировые проблемы решаешь. – Наташа хмыкнула и опять легонько стукнула его по лбу. – Хватит думать, от этого морщины появляются и желудок расстраивается.

Она дернула плечиком и танцующей «подиумной» походкой направилась в аудиторию.

Миша покрутил головой. Положение обязывает – надо ж до такого додуматься! Практически «золотая клетка» и богатые тоже плачут, тьфу! Наташка права. Какие-то странные мысли наполняют его голову в последние дни. Ну, не наполняют, так, присутствуют, но – странные. Как будто чужие. Как будто он не баловень судьбы Майкл, а чья-то марионетка. И вдобавок это жутковатое ощущение закрытой двери: что-то помнится, а где-то провал. В собственном-то мозгу! Может, у него от непрерывных пьянок (если уж честно называть кошку кошкой) уже какая-нибудь шизофрения начала развиваться?..

Или это... скука?

Все эти бесконечные клубы, девицы, модные (не уследишь – будешь посмешищем!) бренды и тренды... Они же все «на одно лицо»! Весело, беззаботно, круто... но если представить, что вся эта круговерть будет повторяться не день, не месяц, а как минимум несколько лет (что там будет после университета – карьера крутого адвоката-международника, рейтинги «Форбс», саммиты в Давосе и всякое такое прочее, не менее крутое – непредставимо, туман полный) – это ж мрак и ужас! Тоска зеленая!

Ужас-то ужас, но Миша вдруг почувствовал снисходительное превосходство над приятелями – им-то подобные глубины наверняка недоступны, они-то все поголовно убеждены, что жизнь состоит из следования трендам и вообще легка, весела и приятна, а о смысле ее пусть вон йоги задумываются, им больше делать нечего, только собственный пупок разглядывать. Примитивная ведь, в сущности, публика, все эти веселые «золотые» ребята, то же самое быдло, только с деньгами. А вот уж он-то, Миша, понимает, что пупок не только для пирсинга.

Может, и на странную Соню он потому и обратил внимание, что она-то точно не «на одно лицо»? Гостья из другой галактики, честное слово! Вот уж с ней-то точно о скуке и каких-то там идиотских сомнениях – кто я? зачем я? – и мыслей не будет.

Миша скосил глаза влево. Почему-то он был инстинктивно уверен, что «тургеневская девушка с лакостовским портфелем» где-то совсем рядом. Инстинкт не подвел. Вот она, красавица, у соседнего окошка. Как портрет в рамочке – девушка с книгой на фоне серебристых облаков...

Впрочем, нет, не красавица, конечно. Фигурка ничего себе, а личико простоватенькое, как будто недопроявленное. Хоть бы глаза подвела, что ли. Глаза-то большие, но их же не видно ни черта! Портфельчик, кстати, хоть и лакостовский, а не новый, углы обтерты. Да и туфельки хоть и не с вьетнамского рынка, но и не «гвоздь последней коллекции», разве что прошлогодней. Вдобавок те же самые, что вчера были. Совсем не комильфо. И украшений у девушки никаких, даже уши не проколоты. И уж наверняка в пупке у нее нет никакого пирсинга! Неожиданная мысль Мишу развеселила, продолжал «инвентаризацию достоинств объекта», он уже более благосклонно. Ротик-то хорош и без помады...

Да и вообще, если не разбирать по деталям – симпатичная, вполне даже. Тень под планкой глухой застежки на блузке словно намекает на таящиеся под ней

сокровища. Ушко, просвеченное падающими из окна солнечными лучами, и без украшений очень даже миленькое. Нежное такое. Наверное, от поцелуев оно розовеет, розовеет...

А что? Почему бы и нет?

Миша вспомнил, как вчера рисовал себе приятные картины прогулок в осенне-золотом парке и сердился, что не может представить ничего менее невинного. Сегодня, быть может благодаря ночным развлечениям, воображение было куда более послушным.

Уж конечно, девушка, будь она хоть трижды тургеневская, уступит его напору – не она первая, не она последняя. Вряд ли за ней ухаживали парни его, Мишиного, уровня. Да и вообще... он опять бросил взгляд на потертые уголки дорогого портфеля – вряд ли за ней вообще много ухаживали. Сперва, должно быть, она будет робеть, не веря своему счастью, а он не станет торопить события: сегодня приобнять, потом взять за руку, нежно перебирая пальчики (руки-то у девушки аристократически тонкие, пальцы узкие, благородные), едва заметно коснуться губами волос (волнистая прядь на виске так соблазнительно золотится в солнечном луче)... первая ночь... У нее, само собой, никого раньше не было, он будет первооткрывателем, победителем, властелином, а ее глаза будут нестерпимо сиять благодарностью к прекрасному принцу, обратившему на нее внимание... Говорят, из таких скромных отличниц получаются самые страстные и неутомимые любовницы...

Миша, слегка прищурившись, глядел на частые перламутровые пуговицы: вот он медленно расстегивает самую верхнюю, обнажая нежное, вздрагивающее от волнения и робости горло, потом следующую... легкая тень скользит от ямки между ключицами, к ложбинке, где кожа совсем шелковая...

– Ты хотел о чем-то спросить?

Миша вздрогнул: Соня смотрела прямо на него, левая бровь вопросительно приподнята, взгляд открытый, без тени смущения. Хоть бы покраснела, как полагается тихоне. От неожиданности Миша растерялся, чувствуя, что готов залиться краской, как пятиклассник, впервые заметивший, что девочки отличаются от мальчиков... губы сами сложились в гримасу – подумаешь, видали мы таких.

Соня хмыкнула, губы ее ответили такой же презрительной гримаской...

На Мишино счастье, грянул звонок, дверь аудитории распахнулась, выпуская предыдущую группу. Не наши, механически подумал Миша, старшекурсники вроде. Впрочем, его сейчас не заинтересовала бы даже сборная Бразилии по футболу или команда инопланетян. Он чувствовал себя так, словно его собственный ботинок, к примеру, заявил: иди к лешему, я отдохнуть хочу, а ты хоть босиком гуляй, мне по фиг.

Нет, ну что она о себе возомнила?

Девушке, на которую обратили внимание, приличествует скромничать и смущаться. Ну, или по крайней мере делать вид, что она робеет: опускать взгляд, едва заметно улыбаться. Нет, можно, конечно, и отшучиваться, и глазками стрелять, намекая на возможность продолжения, – кокетничать, словом. Но в рамках, в рамках. Правила этой игры отработаны давным-давно, роли распределены: мужчина – охотник, женщина – добыча. Хотя, и Миша отлично это понимал, выбирает на самом деле женщина, кто бы спорил. Но ведь для того правила игры и существуют. Всегда же с первого взгляда ясно: будет толк или лучше сразу на другой объект переключиться, чтоб времени не терять. Даже у него, такого распрекрасного, бывали осечки. Мало ли что у этих девиц в голове творится. Некоторые вон в актеров и поп-идолов влюбляются, дуры. За другими походить-поухаживать надо. Но это тоже всегда ясно сразу, с первого обмена взглядами.

Эта же... Соня, черт ее подери! Мышь серая, а гонору! Ведет себя так, словно Мисс Вселенная, вокруг которой толпа поклонников (и все сплошь олигархи!), с трепетом ожидающих, кого звезда соизволит одарить своей благосклонностью, кого в глубокий запас отправит.

«Звезд» Миша не любил. Заполучить их тоже можно, было бы желание, но овчинка выделки не стоит. Мороки много, а толку чуть. В постели эти красотки думают только о собственном удовольствии, мужчина для них лишь инструмент, в качестве престижного приобретения (вроде «Ягуара») тоже не слишком хороши. Рядом с такой львицей даже первый парень на деревне выглядит лишь сопровождающим лицом. А роль пажа при королеве Мишу вовсе не привлекала. В общем, ну их, клеопатр этих.

Но эта-то! Сонечка! Ведь никакая не звезда, и близко нет. Но вместо того чтобы краснеть, смущаться и таять от счастья, глядит прямо, уверенно, еще и губки презрительно поджимает. Тьфу! Ненормальная.

А, к черту! Что там Петро про пикничок гутарил? Вот на этом и надо сосредоточиться.

Хотя, конечно, что тут особенно сосредотачиваться, несколько часов спустя размышлял Миша, лениво поглядывая на звезды, просвечивающие сквозь ветви старой яблони. Ну, природа. Ну, выпивка. Ну, девочки. Доступные, как вот эти яблоки над головой. Только руку протяни, сами в ладонь падают. Сейчас какая-нибудь непременно припрется с ахами и охами: что же ты нас бросил, шашлыки уже готовы, давай я тебя покормлю, давай я тебе коктейль сделаю, а пойдём купаться, а чего бы тебе хотелось... Девицы на пикнике – не то что эта дура Соня – привычно вешались ему на шею. Особенно те, что подтянулись из соседнего дачного поселка, победнее, не столь избалованные вниманием «золотых» мальчиков. От привычного, но оттого не менее приятного успеха Мишино самолюбие удовлетворенно мурлыкало. Потом, оттого что все привычно и неизменно, даже стало скучновато, и Миша вдруг поймал себя на том, что ему хочется, чтобы скорее наступил понедельник. А пить, наоборот, совсем даже не хочется. Когда пришло время возвращаться в город, он, отговорившись усталостью и головной болью, даже отказался «еще где-нибудь поklubиться».

– Ты в монастырь еще не собрался? – съязвила Натаха. – Прямо просветление у тебя на лице какое-то, скоро крылья прорезаться начнут. Лопатки не чешутся еще?

Миша, ухмыляясь, похлопал ее по аппетитной попке, обтянутой блестящими шортиками – дабы убедилась, что до аскетизма ему еще далеко, – и отправился домой. Спал он сладко, как младенец. Хотя, пожалуй, таких снов младенцам не показывают. Снилось ему Соня. Сон-Соня, Сон-Соня, Сон-Соня, звенело в голове. Вот всегда бы так...

В понедельник Миша чувствовал себя прекрасно, но изображал ужасающую усталость от бурно проведенных выходных и искоса посматривал на Соню – должна же она заметить, что у него и без нее все великолепно! Вотще. Он стал пялиться на нее практически в упор – с тем же результатом. Да что же это такое!

День, другой, третий он с неослабевающим упорством продолжал разглядывать «эту ненормальную», ожидая, когда же она вновь поинтересуется, что ему нужно. Уж теперь-то его врасплох не поймаешь! Миша придумывал десятки ответов: остроумных, презрительных, уничижительных, моментально ставящих эту выскочку на место. Вот пусть только хоть словечко ему скажет, уж он-то...

Однако Соня не только больше ни о чем его не спрашивала – она даже не глядела в его сторону! Миша знал это абсолютно точно, поскольку наблюдал за ней неотрывно. Черт знает что, честное слово!

Приятели не преминули это заметить и, разумеется, начали всячески подкалывать. Правда, подшучивали слегка, вполне дружелюбно: все-таки душа компании, не какой-нибудь прихвостень.

– Майкл, плюнь, ты же видишь, девушка-то совсем не наша. Может, она вообще... – сочувственно предположил Кирилл, – ну... по другой стороне улицы гуляет?

Наташа задумчиво покачала головой:

– Да не, на лесби она не похожа.

– А ты – спе-е-ец, да? Или на них какое тайное клеймо стоит, а у тебя колдовское зрение? – гримасничая, протянул Петя.

Девушка фыркнула:

– Петруччо, солнышко, ты ж знаешь, у меня сестрица двоюродная... насмотрелась я, в общем.

– Лесби? Соня?! – возмутился Миша, сам изрядно удивившись своему гневу.

– Да ладно тебе. – Кирилл примирительно положил руку ему на плечо. – Мы же не со зла. Больно ж глядеть, как ты изводишься.

– Вот и не гляди! – Миша сам не понимал, почему его так взбесили реплики друзей.

Друзей, как же! Сочувствуют они, ага! Устрицами не корми, дай постебаться над соседом, это ж так весело! Придурки.

Он развернулся и стремительно зашагал к выходу.

На улице еще припекало, но прозрачную небесную синеву уже затянула белесая облачная хмарь, а на бледном асфальте появились редкие темные пятнышки. Дождь? Или так, пугает? До машины добежать – два шага, но вдруг сейчас хлынет. Может, переждать? Миша погладил полированную колонну. Мрачно-багровый гранит был теплым.

Миша уже привычно спрашивал себя: «Зачем я общаюсь с этими... с этой компанией? Неужели я такой же, как они? Хамоватый пустоголовый придурок, которому плевать на всех, а важны только модные прикамбасы?» Нет-нет-нет, он совсем не такой! Ведь он гораздо умнее, чем все они, вместе взятые, у него, в конце-то концов, есть и душа, и благородство... Но Соне-то откуда об этом узнать? Раз он, хоть трижды распрекрасный, все время с этими придурками, конечно, она уверена, что он и сам такой же...

– Да, пожалуй, по сравнению с основной массой здешней публики колонна – не такой уж плохой собеседник. – Негромкий голос заставил его едва ли не подпрыгнуть.

Осознав, что говорил вслух, Миша вздрогнул и поперхнулся. Черт! Опять он выглядит полным идиотом! Все придуманные заранее уничтожающе язвительные реплики куда-то улетучились. Хотя... может, это и к лучшему? Соня улыбалась так дружелюбно, что ставить ее на место совсем не хотелось. Хотя реплика звучала и довольно насмешливо, но голос... голос противоречил словам.

Но Миша все-таки не удержался:

– Если ты такого невысокого мнения о здешней публике, зачем ты ко мне-то подошла? – Он сам не знал, зачем язвит, чего добивается. Хочет ее обидеть или хотя бы смутить? Если и так, то попытка явно провалилась. Сонино самообладание (а может, ей просто безразлично?) было непоколебимо, голос звучал все так же спокойно и дружелюбно:

– А ты туда не вписываешься. – Она слегка покачала головой.

– Не вписываюсь?! – изумился Миша. – Ничего себе! Да я там душа компании, если ты еще не заметила.

– Заметила, – согласилась Соня. – Но частью компании это тебя не делает.

– Что за бред?! – Миша, словно забыв, что всего пару минут назад сам мысленно отрекся от приятелей, был почти возмущен, услышав то же самое мнение со стороны.

Соня усмехнулась:

– Ну, видишь ли... с колонной ты разговаривал куда более эмоционально, чем с ними. С ними ты, – она замялась, подбирая слово, – тусуешься. Тачкой хвастаешься, по клубам ездешь, млеешь от общего внимания...

– Ты... ты... ты следишь за мной? – Он задохнулся от возмущения пополам с каким-то странным, совершенно неожиданным удовольствием.

– Наблюдаю, – уточнила девушка.

– Зачем? – изумился Миша.

– Мне интересно, – объяснила Соня.

– Интересно? – переспросил Миша, не особенно понимая, хорошо это или плохо и что такое вообще это самое «интересно». Ага, вот сейчас она должна изобразить признание Татьяны Онегину... Но Сонин ответ оказался меньше всего похож на любовное признание:

– Ну да, интересно. А разве тебе не интересны люди? – И добавила нечто совершенно неожиданное: – Какой же ты в таком случае будущий юрист?

По правде говоря, Миша вообще не думал о себе как о будущем юристе. Мало ли что он на юрфаке учится. Это ж одно из престижных направлений, не какая-нибудь ветеринарка, где еще и всякие биологические гадости придется

проходить, тьфу. Однако мысль о том, что юристу придется работать с людьми, показалась любопытной. Уж всяко интереснее надоевших обсуждений того, какой бренд нынче моднее и круче.

– Хочешь сказать, я тебя интересую в профессиональном плане? – с сомнением произнес Миша. Предположение показалось ему диким и даже не слишком лестным (что я, кролик подопытный, что ли, чтобы на мне навыки оттачивать).

Соня прислонилась к колонне.

– В некотором смысле... – Она помолчала. – Да ты не обижайся, я совсем не... – Рассмеявшись, девушка не закончила фразу и опять ненадолго замолчала, точно раздумывая, объяснять свой интерес или не стоит. – Понимаешь, дело такое. Мне предложили подработку в юридической фирме. Вечерами. Работа, конечно, техническая, скучноватая, мы же не на старших курсах еще. И платят, конечно, копейки. – Она нахмурилась. – Зато по специальности. А фирма солидная, в смысле карьеры там очень хорошие перспективы. – Соня побарабанила пальцами по колонне, оценивающе глядя на Мишу. – Но там нужны двое, по-другому никак. Вот я и хотела тебя пригласить...

– Меня?! – изумился Миша. – Что, среди примерных учеников никого не нашлось?

Девушка скептически поморщилась:

– На техническую работу они годятся, конечно. Но там же перспективы. Наши, – она хмыкнула, – примерные ученики все какие-то зашоренные, от сих до сих, ни шагу влево-вправо, никакой гибкости, никакой живости ума. Думают, что юриспруденция – это выучить кодексы, подзаконные акты, ну комментарии прочитать, учебники – и все. Но это же глупость. А ты, хоть и раздолбай, – девушка улыбнулась, смягчая резкость выражения, – учишься не ради диплома, не просто так время отбиваешь. В глазах интерес. – И после короткой паузы она с тем же дружелюбным смешком добавила: – Когда не с похмелья. Но тебе, по-моему, и самому эти бесконечные отжигания надоели. Правда ведь?

– Ну... – Миша не нашелся, что ответить.

– То есть ты не против поработать? – уточнила она.

– Ну... можно попробовать, – протянул он, кляня себя за косноязычие.

– Чудесно. – Даже это банальное выражение удовольствия звучало в Сониных устах как-то очень искренне. – Сейчас мне надо бежать, извини. – Она повела плечом. – А завтра я тебе все подробно расскажу, договорились?

Миша кивнул:

– Договорились. И... – собрался он с духом, – может, не тут? В смысле – не в университете? Ну чтоб сесть спокойно, все обсудить. Чтоб не мешали.

Девушка пожала плечами и усмехнулась:

– Да, пожалуй, тут болельщиков набегит, ты прав. Можно в кофейне какой-нибудь посидеть... в приличной. – Она прищурилась, точно оценивая грядущие перспективы. – Ты же понимаешь, что те места, которые ты обычно посещаешь, для деловых переговоров не совсем подходят?

В приличной? Миша опять растерялся. С одной стороны, Соня, конечно, права, с другой... черт побери, он что, ни одного приличного, в смысле – спокойного заведения не знает? Память вытолкнула только одно название:

– Как насчет «Желтого чайника»? Тут неподалеку. Я, правда, давно там не был, может, они и закрылись уже...

Когда-то давным-давно, словно в другой жизни, он ходил туда с мамой. Денег тогда было мало, приходилось экономить на всем (вот странно, с чего бы это, и опять это ощущение «я что-то забыл»), и каждый поход был настоящим праздником. Самый маленький чайник чая и два пирожных (мама тихонько подкладывала на его блюдце кусочки своей порции) они растягивали часа на два и чувствовали себя миллионерами на шикарном курорте. Миша вспомнил разноцветные салфетки в смешных держалках в виде мультипликационных персонажей, плетеные кресла (сейчас бы он сказал: фу, пластик, какая дешевка!) на летней террасе, увитой диким виноградом, по веткам которого кое-где «карабкались» крошечные веселые (ну и что, что пластмассовые!) мартышки... губы сами собой разъехались в улыбке.

Соня, улыбаясь, покачала головой:

– Не закрылись. Я там была недавно, чувствовала себя героиней Кэрролла. Соня в чайнике, только Безумного шляпника и Мартовского зайца не хватает. – Она рассмеялась.

– Кэрролла? – непонимающе переспросил Миша.

– Ну да, «Алиса в Стране чудес», – удивленно расширив глаза, пояснила девушка. – Помнишь, они там Соню в чайник запихивали? На Безумном чаепитии.

– А... ну да, – согласился он, хотя «Алису в Стране чудес» помнил смутно. – А ты совсем не такая, как я думал. Ну... на первый-то взгляд... – Он замялся, потому что мало ли что там показалось на первый взгляд и мало ли какие язвительные остроты он себе за эти дни напридумывал, но сейчас, когда только-только стал налаживаться хоть какой-то контакт, назвать Соню ботаничкой было бы запредельной грубостью.

Девушка опять рассмеялась – негромко, но звонко. Так звенит апрельская капель, подумал Миша, удивляясь себе: какие странные мысли в голову приходят, апрельская капель, надо же.

– Люди вообще существа разнообразные, – покачала головой Соня, – с первого взгляда не очень-то разберешь, что у кого внутри. Но так гораздо интереснее жить, правда? Ты ведь тоже, оказывается, не только ночные клубы знаешь, а и, кто бы мог подумать, такие вот милые места. Потому что кафе и впрямь чудесное. Там еще обезьянки такие смешные на террасе.

– Точно! – обрадовался Миша. – Значит, завтра после занятий?

– Завтра суббота, – напомнила Соня. – Тебя твоя компания никуда не утащит? Отжигать...

Миша хотел было возмутиться, что он не мешок картошки, чтоб его тащить, но увидел, что в глазах девушки прыгают смешинки, и заявил сурово:

– Пусть только попробуют!

Уже засыпая, он представлял себе завтрашние... деловые переговоры, подумать только! Вряд ли предлагаемая работа – такая уж находка (Миша вообще считал, что до окончания университета о работе и задумываться-то глупо, а потом все само как-нибудь уладится), но зато какие перспективы! Подумаешь, платят копейки. Уж он-то может себе позволить вообще не заикливаться на зарплате. Зато с Соней будет общаться практически наедине, без наблюдения и шуточек бдительных приятелей... как она сказала? болельщиков? Вот-вот. А работа, она говорит, вечерами, значит, и провожать ее можно будет с полным правом, и поужинать вместе. Раз, другой, третий, а там, глядишь, и в гости зайти согласится. Главное, не спугнуть... Сон затягивал, как гигантская белая воронка...

* * *

...гигантская воронка затягивала меня все глубже и глубже. Тело было легким, невесомым, воронка превратилась в галерею, стены которой были заняты бесчисленными портретами, только не черно-белыми, как в прошлый раз, а цветными...

Стоп. Какой еще прошлый раз? Я что, уже видел этот сон? Да... кажется... или нет? Вихрь поднимал меня выше, выше – к небесам на скоростном лифте...

– Ну ты даешь – на лифте! Скажи еще – на подъемном кране! – Низкий глубокий голос... нет, Голос раздавался откуда-то сверху. Или отовсюду сразу? – С фантазией у тебя все в порядке. Когда ты представлял, как будешь эту Сонечку неприступную... – Голос непристойно расхохотался. – Я прям засмотрелся-заслушался.

Засмотрелся? Заслушался? О чем он? Соня мне снилась, да, и действительно в таких видах, что десять цензоров удавятся, но... Додумать я не успел: вихрь внезапно, как и не было, затих, и я обнаружил, что основательно стою на ногах, упираясь носом во что-то твердое. Приоткрыв глаза, я увидел, что твердое было еще и белым. Чуть отступив назад, я понял, что белое – это дверь. Гладкая, скучная. Какая-то больничная. Очень странно. У меня в квартире, где я ложился спать, двери темного дерева. Постой, постой... У меня?

– Ты заходи давай, – продолжал Голос, – хватит озираться, ничего важного ты тут не увидишь, одно слово – кажимость. Ты сейчас лежишь на террасе кафе

«Желтый чайник», умирая от пули, пробившей твое сердце полсекунды назад. Но не в тумане же тебя держать, надо, чтоб обстановка хоть более-менее натуральная была, а то совсем растеряешься. А ты и так пока все еще не в себе. – Он хмыкнул. – Ничего, сейчас опомнишься.

Я толкнул дверь и увидел за ней просторную, неправдоподобно белую комнату. Она напоминала больничную палату, вот только белизна была, даже не знаю, как объяснить, чересчур белой. До головокружения. Комната буквально подавляла белизной. И пустотой. Никого, кто мог бы со мной разговаривать, за дверью не обнаружилось.

– Присядь, выпей воды, расслабься. Сейчас придешь в себя. – Голос снова хмыкнул. – Вот именно. Придешь в себя.

На пол, что ли, садиться, подумал я и внезапно увидел рядом белое кресло, мягкое даже на вид. Уселся. Внешнее впечатление не обмануло: кресло послушно приняло очертания тела. Рядом, на таком же белом столике (откуда он взялся?) стоял высокий стакан с прозрачной жидкостью. Вот интересно, почему при всяких там потрясениях человеку сразу стакан с водой подсовывают? Что ли от стресса непременно должно хотеться пить? А если не хочется?

С некоторой опаской я, понюхав (ничем не пахло), пригубил содержимое. Действительно, вода. Чистая, прохладная, удивительно вкусная. Глоток, другой, третий... холодная жидкость лилась в горло и, казалось, растекалась по всему телу, вплоть до кончиков пальцев. Когда стакан опустел, я почувствовал, что дремотное состояние оставило меня. Точнее, не так. Я почувствовал, что минуту назад я как будто грезил, а теперь голова ясная, чистая, как эта вода.

– Ну что? – усмехнулся Голос. – Проснулся?

– Я... я... – Я хватал воздух, точно задыхался. – Что это? Чем вы меня напоили?

– Это всего лишь вода, друг мой, – дружелюбно пояснил Голос, – обыкновенная вода. Люди удивительно недооценивают ее возможности. Чистая холодная вода бодрит и отрезвляет лучше всех этих ваших кофе, ты заметил?

– У меня такое ощущение, – бормотал я, инстинктивно пытаюсь отодвинуться от столика со стаканом, который опять уже был полон, – будто меня выдернули из

моего тела и сунули в другое... кошмар какой-то.

Все-таки человеческий язык слишком скуден для описания того, что я чувствовал. Приходилось ли вам посреди ночи, когда сон предельно глубок, просыпаться от резкого звука, будь то будильник, телефон или звонок в дверь? Когда сознание, еще уверенное в реальности сонных грез, внезапно оказывается в другой плоскости, где все доказывает, что настоящее – здесь и сейчас. Я был почти уверен, что Он мог заставить меня очнуться и не столь жесткими (жестокими!) способами, но моя обалдевшая физиономия, должно быть, создавала дополнительный повод для веселья. Потому что, судя по интонации, Он совершенно очевидно веселился:

– Выговорился? – насмешливо поинтересовался Голос, хотя я молчал. Ах да, он же, наверное, слышит мои мысли. – Вот-вот, – подтвердил он мою «телепатическую гипотезу». – Ну так что? Еще ругаться будешь или как? Нервный ты какой-то, нежный. Прямо мимоза. Подумаешь, разбудили его грубовато.

Я промычал что-то нечленораздельное и уставился в потолок. Не потому, что Голос доносился именно оттуда, а потому, что надо же хоть куда-то смотреть.

– Ладно, не дуйся, давай обсудим твою первую попытку. Что ты чувствовал, как тебе эта шкурка?

– Я уже сделал выбор! – выпалил я. То ли я еще не отвык от ощущения себя Мишей – все-таки за девять дней я успел изрядно с ним сродниться, – то ли вспомнил старую истину, что от добра добра не ищут, но меня переполняла уверенность: Миша – это то, что нужно.

– Да неужели? – с откровенной издевкой произнес Голос.

– Да! – как можно более твердо заявил я. – Я хочу остаться Михаилом. Меня абсолютно устраивает и его тело, и его мысли, и вообще вся его жизнь.

– Ну да, ну да, – саркастически согласился Голос. – Восемьдесят кило мышц на восемьдесят граммов мозга. Плюс мамочка, которой ничего для ненаглядного сыночка не жаль. И что самое главное, этого самого «ничего» у мамочки довольно много. Так что юный оболтус может купаться в удовольствиях, не

ударяя палец о палец. А ведь мальчик-то примитивненький, скучный. Ни взлетов, ни падений. Без последних, напомню, взлетов не почувствуешь. Никакой мальчик-то в общем и целом. И эмоции такие же никакие, чуть тепленькие.

– Ничего себе чуть тепленькие! – возмутился я, вспоминая, как переживал из-за того, что Соня не обращает на меня внимания.

– Ой, я тебя умоляю! – Голос неожиданно выдал интонацию «старого одессита». – Эти твои прыжки вокруг девочки, которой хватило мозгов понять, что ты пустышка, это все тьфу, манная каша на воде, без сахара и даже без соли.

– Почему это пустышка? – неожиданно обиделся я. – Она же именно меня выбрала...

Он хмыкнул:

– Вот-вот, выбрала. Потому что из Майкла умная женщина вылепит все, что ей нужно. Хоть юного карьериста, хоть комнатную собачку. Или даже все в одном флаконе, как в данном случае. Сонечка – девочка неглупая. – Он помолчал. – Хотя, безусловно, есть свои минусы...

– Хочешь сказать, ее тоже убили в том кафе? – Задохнувшись от этого внезапного предположения, я сам не понял, как обратился к Голосу на «ты». Но Ему, похоже, было наплевать.

– Ну вот так я тебе все и выложил, – продолжал иронизировать Он.

– Зато Майкл молод и здоров, – настаивал я. – Если уж мне предстоит прожить еще тридцать три года, не стариком же мне становиться.

– И тебя не смущает, что, если юноше сейчас около двадцати, значит, доживет он всего-то до пятидесяти трех? – почему-то возразил Голос. Мне показалось, что теперь Он возражает не из издевки, а как будто пытаюсь мне что-то подсказать, вот только я не мог понять, что же. – Не маловато?

– Но я чувствую, что это – мое! – Начав настаивать на Мишиной кандидатуре, продолжал я уже как будто по инерции. – Ты же видел, как быстро я в него включился, даже забыл собственное «я». Может, потому что я и есть он?

Он вздохнул, словно бы я чем-то его огорчил:

– Собственное «я» ты забыл, потому что не просыхал от веселья. Тебя можно понять. Все легкое, яркое, пестрое, сплошной карнавал. И молоденький, и здоровенький, и красивенький, и богатенький – ну золотой мальчик, прелесть что такое!

– Миша – не просто богатенький мальчик. – Я сам не понимал, почему мне так необходимо защитить Михаила. – Это все внешнее, у него есть шанс все изменить.

– Конечно-конечно, – довольно устало согласился Он, словно бы смирившись с моей «непонятливостью». – Милая девочка Сонечка. Если бы не она, ты за все девять дней вообще не вспомнил бы, что в жизни есть что-то кроме вечеринок под названием «в ночь с пятницы на вторник».

– Но... – Я не знал, что возразить, но был уверен, что и без всяких Сонь мог бы встряхнуться и начать новую жизнь.

– Ой, хватит, – прервал мои размышления Голос. – Мы с самого начала обо всем договорились, коней на переправе не меняют, в смысле правила игры уже определены. Если в итоге выберешь золотого мальчика – вперед. Но сейчас ты отправишься в следующее увлекательное путешествие по чужой – ну, или своей – жизни. И вдруг тебе там понравится больше?

– Ну... – замялся я, не зная, что сказать.

– Я сказал «не спорь». – Интонации Его постепенно становились все холоднее и холоднее. – Условия обозначены, меняться ничего не будет. Так что расслабься и постарайся получить удовольствие. А то профукаешь очередную попытку так же, как первую.

– Почему... разве я ее профукал? – растерялся я. – Я же все помню.

– Помнишь. Зато там, – Голос сделал паузу, – моментально все забыл. Выпивка, автогонки, девочки и прочая веселуха. Короче, полное погружение и никакого наблюдения за процессом. Да и погружение-то не полное. Про мать вспоминал только в связи с финансами, разве нет?

– Я чувствовал, что в мозгу как будто какие-то двери закрыты! – Вот тут я возмутился совершенно искренне. В самом деле, что это такое: сам подкручивает гаечки у меня в мозгу и сам же обвиняет меня в том, что я чего-то там соображаю недостаточно отчетливо.

– И даже не попробовал их открыть. – Он не возражал мне. Он просто констатировал факт. Даже не подчеркнув интонацией, печалит ли его этот факт или, к примеру, возмущает. Впрочем, вряд ли Его может возмутить мое поведение, наверняка же Он сверх всякой меры насмотрелся на любые человеческие проявления. – Устроился поудобнее на пассажирском сиденье, а сесть за руль не то что не пытался, даже и мысли не было.

– Ты меня воспитываешь, что ли? – От справедливых, чего уж там, но очень уж равнодушных замечаний Голоса я почти впал в бешенство. – Так я в учителях не нуждаюсь, взрослый!

– Ну да, ну да, – добродушно проворчал Он. – Упрямство, друг мой, штука неплохая. – Он помолчал. – Если правильно его использовать. Через тернии к звездам, и все такое. А если назло маме отморожу уши – это, как оно у вас там называется, чистый детский сад. В общем, как повернуть. Хотя это о чем угодно можно сказать. На своем упрямстве ты мог бы, как вы говорите, въехать прямо в рай, причем построить его себе еще при жизни. А вместо этого предпочитаешь казаться глупее, чем ты есть.

– Значит, все-таки я – подопытный кролик? Или даже пробирка с неизвестным веществом? – Почему-то это предположение меня не слишком обидело. То ли потому, что я высказал его сам, то ли и впрямь «уничужение паче гордости», никогда я не чувствовал потребности разбираться в этих тонких материях.

– Ну почему «неизвестным», – уточнил Он мое сравнение. – Вполне известным, но способным расти в разные стороны. Речь не о химической реакции, а скорее о биологической. Не азотная, к примеру, кислота в пробирке, а несколько бактериальных культур. Может вырасти одна из них, может другая, а могут все

сразу. Или не одна.

– И все-таки – почему я? – Мне уже самому становилось неловко за свою настырность, но ответ на этот вопрос меня действительно интересовал.

Голос устало вздохнул:

– Какие ж вы все одинаковые, скучно. Как актеры на кастинге. Толпятся в огромной приемной, из кожи вон лезут, лишь бы заметили. А когда режиссер наконец кого-то выбрал, счастливец со слезами на глазах начинает вопить: «За что мне такое счастье?» – Он хмыкнул. – Ну, или «несчастье», в зависимости от личных амбиций и темперамента. А потом, когда время уже на сцену выходить, начинают вместо живой актерской игры деревянных кукол из себя изображать. Манекены. Да еще и скопированные откуда-то.

Я пропустил мимо ушей рассуждение о манекенах, напуганный словом «несчастье»:

– А вдруг я сейчас проснусь бездомным нищим? Или инвалидом?

Мой испуг Его, однако, ничуть не тронул:

– Ну... могу обещать, что олигофреном ты не окажешься. Что же до остального, то... Тебя так пугает физическая немощность? Или финансовая несостоятельность? А как же упрямство? Как же способность к борьбе, к преодолению?

– Что можно преодолеть за девять дней? – усмехнулся я.

– Многое, уверяю тебя, – довольно равнодушно сообщил-подсказал Он.

– Но зачем? Разве невозможна жизнь в радости и счастье, в наслаждении каждым днем? – В сущности, я продолжал задавать все тот же вопрос «почему я?», попутно стараясь обезопасить себя от каких-то совсем уж кошмарных перспектив. Наивный. Нашел с кем тягаться.

Но, кажется, Он воспринимал мою наивность – и все остальное – не более чем источник развлечения. Или все-таки материал для работы?

– Ты, когда был «золотым мальчиком» Мишей, много наслаждался? – Вопрос опять походил на подсказку, только я не мог понять, что же мне подсказывают. – По моим наблюдениям, все больше от похмелья страдал. А когда не от похмелья, то от скуки. Без зимних морозов нет радости от весеннего тепла. И кстати, морозами тоже можно наслаждаться.

– Мазохизм какой-то, – буркнул я.

– Вовсе нет. – Голос звучал все более безразлично, словно Ему надоело со мной возиться. – Будь честным наблюдателем, отбрось затверженные «приятно» – «неприятно». Приятно-неприятно существуют только в твоей голове. Вот «тепло» и «холод» реальны. Причем тепло ничуть не лучше холода, и наоборот. Чтобы растить цветы, лучше тепло, чтобы кататься на коньках, лучше холод. Ну, давай, пора тебе возвращаться в реальную жизнь.

«Не хочу!» Это было последнее, что я успел подумать.

Глава 4

И вновь это странное жутковатое ощущение: словно ныряю с гигантского прибрежного утеса в едва различимый внизу океан или шагаю в разверстый люк самолета, почти не чувствуя, как давит спину парашютный ранец, – падаю в бездну – дыхание перехватывает, солнечное сплетение наливается льдом, сердце вот-вот остановится... кажется, я кричу. Кричу бесконечно долго, я весь – разорванный ветром крик ужаса и восторга, мгновения превращаются в часы, в годы, в тысячелетия...

На самом деле падение продолжается не больше секунды. Уже через несколько мгновений я вновь становлюсь существом из плоти и крови, вновь чувствую себя человеком в человеческой реальности, пока еще, однако, не осознаваемой.

Открываю глаза, но все так же ничего не вижу. Меня окружает тьма, которая, кажется мне, даже еще гуще, чем за сомкнутыми веками. Тьма глухая, вязкая, как строительная смола, которую мы с приятелями жевали в детстве. По спине струится ледяной пот – так вот что Он мне приготовил! Жизнь слепого!

Не-е-ет!

Еще через мгновение тьму начинают разбавлять смутные серые тени, неясные размытые контуры каких-то предметов, едва различимые отблески света.

Ночь.

Я перевожу дух. Сердце все еще колотится, точно пытаюсь взломать грудную клетку. Просто ночь, повторяю я, пытаюсь унять его сумасшедшее биение. Инстинктивно сжавшиеся пальцы вцепились в мягкую шелковистую ткань, на которой я лежу. Простыня. Теплая уютная безопасная постель. Просто ночь, не слепота. Спасибо тебе, Господи!

Голос, к моему величайшему удивлению, ничего не отвечает. И, в отличие от первого пробуждения, я не чувствую Его присутствия. Должно быть, Он решил, что я уже вполне освоился в путешествиях по чужим телам и сознаниям и меня можно оставить наедине с собой, без поддержки. Эта мысль вызывает изрядное облегчение: все же чувствовать себя объектом в стеклянной пробирке, на которую взирает равнодушный, хотя и любопытный наблюдатель, довольно неуютно.

Облегчение, однако, тут же начинает вытесняться поднимающейся изнутри волной страха. Не наполнявшего меня недавно животного ужаса перед падением, не всеобъемлющего «не-е-е-ет!» при мысли о жизни вслепую. Моя паника сродни страху потерявшегося в «Детском мире» ребенка: вокруг – тысячи притягивающих глаз и пробуждающих желание соблазнительных игрушек, но – мама, где мама?!

Этот страх остро приправлен живой, очень человеческой тревогой – предчувствием беды. Неизвестно какой, но близкой, близкой настолько, что волосы шевелятся, словно бы от жаркого дыхания притаившегося во тьме, готового прыгнуть хищника.

Не сумев разобраться в собственных ощущениях (сколько я так лежал? часы? да нет, скорее всего, несколько минут, но они растянулись в бесконечность), я пытаюсь встать с постели. Но тело внезапно накрывает волна такой абсолютной, такой непобедимой, практически смертельной усталости, что какое-то мгновение мне кажется, что меня вновь выносит туда, в туманное ничто, в белую комнату.

Он передумал?!

Я еще не успел ни обрадоваться этому, ни испугаться, как почувствовал, что пальцы, плечи, веки точно наливаются свинцом. Это ничуть не было похоже на испытанные раньше падения в туман, скорее, на ощущения после лошадиной дозы снотворного. Неужели я просто засыпаю? Зачем?

– Не сопротивляйся, – прозвучал в моем сознании Голос. – Тебе нужно выспаться. Тебе понадобятся силы. Много сил.

Словно чьи-то руки с силой, но мягко надавливают на мою грудь, возвращая меня в постель. Потяжелевшие веки закрываются как будто сами, так что я не могу, я просто не в силах удержать глаза открытыми. Тьма вновь затапливает и окружающее пространство, и мое сознание. Я проваливаюсь в сон.

* * *

Нежное пение флейты – волшебной флейты! – доносилось, кажется, откуда-то с вышины, заставляя вспомнить о трелях прославляющего утро жаворонка. А сопровождавшие флейту переливы верхних регистров рояля – аккомпанирующее жаворонку звонкое журчание летнего ручья. Как прекрасно, боже мой!

Лишь через несколько минут я понял, что это уже не сон. Тьма под закрытыми веками казалась жарко-алой, словно пронизанной бьющими в глаза солнечными лучами. Я едва смог приподнять веки, тяжелые, точно чужие, и тут же вновь их прикрыл: льющийся в огромные, хрустально прозрачные окна дневной свет показался мне нестерпимо ярким. Через несколько мгновений я сделал новую попытку, более удачную. Если не открывать глаза широко, а просто моргнуть. Потом еще раз, еще... Вот, получилось! Оказывается, глазам требовалось всего

лишь привыкнуть к свету.

Мне захотелось поскорее осмотреться, чтобы понять, где я нахожусь и кто, собственно, я такой. Наверняка меня ждет что-то чудесное, раз уж это существование началось с такой волшебной музыки. Смогу ли я не «провалиться» в новую чужую жизнь? Пусть я почти ничего не знаю о своем настоящем «я», но вовсе забыть, как в прошлый раз, о его существовании было бы обидно. Да и Он предупреждал, что все зависит от меня. На мгновение я опять прикрыл глаза, сосредоточиваясь на скудных ощущениях собственного (или того, что казалось собственным) «я» и собирая всю решимость, для того чтобы как можно дольше их не растерять, не «провалиться», не «утонуть», не «раствориться».

Приоткрыв глаза (все еще опасаясь яркого света), я начал разглядывать окружающее пространство. Промытые до хрустальности окна, так напугавшие меня сначала, охватывались темными рамами. Явно деревянными, никаких пластиковых и алюминиевых стеклопакетов. Я ничего не понимаю в породах дерева, но тут на язык просилось «из мореного дуба». Черт его знает, может, и так. Небрежно подобранные по бокам шторы даже на вид были очень тяжелыми и, похоже, очень дорогими. Массивная резная спинка в ногах кровати, лелеявшей мое пока еще безвольное тело, вполне годилась в музейную экспозицию: быт высшей французской (ну, или еще какой-нибудь) аристократии семнадцатого века. Для полноты впечатлений разве что балдахина с кистями не хватало. Впрочем, мощная лепнина превращала высоченный потолок в подобие купола, сходявшегося к центральному медальону – темно-синему, с частыми «звездными» проблесками. Это что, королевский замок? Ну, или хотя бы графский. Мне вспомнилось, как Голос посмеивался над моим упоением Мишиной обеспеченностью и опасениями проснуться в теле бездомного бомжа. Может, Он решил показать мне, что такое настоящая роскошь?

Впрочем, вряд ли Он стал бы без предупреждения менять условия игры. А по условиям – надо же, я еще держусь, помню, молодец! – по условиям я один из убитых при довольно случайной стрельбе в небольшом кафе. Сомнительно, чтобы в том кафе присутствовал какой-нибудь французский граф. Я попытался хотя бы в уме заговорить по-французски, но, кроме *bonjour* и *pardon*, ничего не вспоминалось. Невероятным усилием я выдернул откуда-то из глубин сознания еще *merci beaucoup* – и все. С английским было чуть лучше, все-таки в школе учил...

Стоп! Похоже, это еще один кусочек информации о том, кем я был. В шкурке Миши я «вспомнил» (если это, конечно, были мои, а не Мишины воспоминания), что мама водила меня в кафе «Желтый чайник». А теперь вот – в школе я учил английский язык. Не очень-то это помогает: пол-России учит в школе английский язык. Я попытался вспомнить хотя бы учительницу... Вотще.

Ладно. Продолжим изучать нынешнюю свою роль. Версию с графским замком придется, похоже, оставить. Да и окна великоваты для замка. И толщина стен (я еще раз пригляделся к оконным рамам) вполне современная. Но интерьер в целом почти антикварный. Может, я – «новый русский», восстанавливающий родовое дворянское гнездо? Нынче это вроде бы модно.

Я так увлекся своими рассуждениями, что не сразу заметил, что в комнате я не один. Моего лба коснулись мягкие, слегка влажные губы, на щеку обвалился шелковый водопад тяжелых, довольно длинных волос.

Женщина! Я блаженно прикрыл глаза, наслаждаясь неожиданной лаской.

– Доброе утро, милый! – произнес нежный, слегка хриловатый голос, мгновенно отозвавшийся в моем воображении образом юной красотки: длинноногой, как мальчик, узкобедрой и по-мальчишески же порывистой, что, по моим представлениям, сулило немало приятных мгновений. Правда, такие девочки-мальчики обычно носят короткую стрижку, а волосы, коснувшиеся моей щеки, были... впрочем, чего гадать?

Реальная картина отличалась от воображаемой, как Парфенон от Исаакиевского собора.

Целовавшая меня женщина была, бесспорно, красива. Очень красива. Но... она же... старая!

Через мгновение я сумел призвать разбушевавшиеся эмоции к порядку. «Старая» было подсказано предыдущим опытом в Мишином девятнадцатилетнем теле, которое, разумеется, окружали такие же юные красотки. Ясно, что любая особа «за тридцать» после них будет казаться старухой. На самом деле этой женщине было вряд ли больше сорока. Да и то я смог определить это лишь потому, что видел ее практически вплотную. В жизни ей наверняка никто больше тридцати (а то и двадцати пяти) не дает. Стильная,

ухоженная, легкая. Нежные, без помады сочные губы, высокие скулы, четкие брови с легким изломом. Лишь взгляд в упор позволял заметить слегка привядшую кожу вокруг глаз, желтоватые тени у висков, едва заметные горькие складочки в углах скульптурно очерченного рта.

«Может, это моя мать? – в отчаянье подумал я, понимая, впрочем, что это не более чем самообман. Матери не говорят «милый» с такой интонацией. Значит...»

Наивный идиот, ты решил, что тебя возродили в графском замке, что ты сможешь наслаждаться всеми благами настоящей аристократической роскоши, унаследованной от десятков поколений носителей голубой крови! А на самом деле ты, похоже, дряхлый старик, который, как Кощей, над золотом чахнет... И таким Кощеем мне предстояло бы – если бы я выбрал эту самую «настоящую роскошь» – тянуть еще больше тридцати лет! Я представил, как Голос, наблюдая за моими теперешними терзаниями, хохочет над моей глупостью.

Или не хохочет, а, напротив, хочет что-то мне объяснить? Я представил себе нотацию Голоса так ясно, что, казалось, слышу Его наяву: «Просто необходимо было устроить тебе некоторый подвох, уж больно жадно ты пускал слюни на деньги этого богатого молодого недоумка».

Мне стало стыдно. Не только за «аристократические» мечтания, но и за свое поведение там, наверху. Неужели же и вправду я такой примитивный чурбан, что меня можно по уши соблазнить всего-то деньгами и молодостью? Я даже почувствовал что-то вроде отвращения к Мише, чье легковесное существование оказалось для меня столь неотразимой приманкой. Хотя уж Миша-то передо мной ни в чем виноват не был. Только я сам. Я сам, пустоголовый поверхностный тюфяк, впадающий в панику при малейших затруднениях, считающий, что деньги обеспечивают все радости жизни... хотя «радости» эти – лишь блестящий фантик, внутри которого хорошо, если пустота, а не что-то похуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию
(<http://www.litres.ru/oleg-roy/fantomnaya-bol-3/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://telnovel.me/oleg-roy/fantomnaya-bol-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)